

СЕКЦИЯ № 6

**Историко-политические проблемы
развития общества**

Аверьянова О.А., Чернова Н.В.

К вопросу становления железнодорожного транспорта
в Магнитогорске в 1930-е гг.

Баженова А.Е.

Социалистический город

Бакеева Р.Р., Малышева С.Ю.

Юбилейные заграничные командировки
Ученых Казанского университета в 1930 г.

Брыкин В.А.

Краткая история боевых действий
32-го Отдельного дивизиона бронепоездов

Булкин В.В.

К вопросу о неспровоцированности
Великой Отечественной войны
О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев:
Г.К. Жуков о П.В. Рычагове

Воробьев А.Н.

«Поведенческая революция» в американской политической науке:
интеллектуальная и институциональная интерпретации

Игонькин С.А., Костылёв В.В., Лобаненков С.В.

Празднование столетия Отечественной войны 1812 г.
на Земле Нижегородской

Кузнецов И.В.

Партийная статистика и внутрипартийная борьба в ВКП(б)
в 20-е гг. XX в.

Лаврентьева Н.А.

Особенности развития защитных функций советского государства

Макаров А.Н.

Периодическая печать г. Магнитогорска в 1930-е гг.

Немгирова С.Н.

О выборах должностных лиц в Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX вв.

Новичкова К.А.

История появления шведских переселенцев в поселке Тирлянский
в последней четверти XIX в.

Сафина В.Ф.

Исторические факты развития триады
«наука-образование-производство»
как основы инновационных процессов

Чернова Н.В.

Газетная производственная реклама
как исторический источник
(на примере рекламных объявлений
газеты «Магнитогорский рабочий» 1937 г.)

О.А. Аверьянова
Н.В. Чернова
Магнитогорский государственный университет
г. Магнитогорск, Челябинской обл., ул. Ленина, д. 114
e-mail: nina_chernova@mail.ru

К вопросу становления железнодорожного транспорта в Магнитогорске в 1930-е гг.

Основная функция железнодорожного транспорта заключается, прежде всего, в обеспечении междугороднего сообщения. В 1930-е гг. было открыто несколько направлений железнодорожного пути, которые связали Магнитогорск с другими населенными пунктами. Кроме того, для более удобного функционирования железнодорожной инфраструктуры были построены вокзалы. Первая железнодорожная линия Магнитогорск – Карталы была открыта еще в 1929 г. Строительство пути, которым занимался Башжилдорстрой, осуществлялось на протяжении двух лет, с 1930 по 1931 гг. включительно. В конце 1931 г.а линия начала свою работу [1]. Постепенно железнодорожное строительство набирало силу. Вторым шагом улучшения системы междугороднего сообщения становится строительство линии Магнитогорск – Уфа. Оно началось в 1934 г., фактически железнодорожный путь был сдан в эксплуатацию 6 января 1942 г. Новое железнодорожное сообщение до Башкирской столицы должно было сократить время проезда из Магнитогорска в Москву на 18 часов. Данная железная дорога была начата как Златоустовско-Магнитная, а затем Верхнеуральский райисполком взял дело в свои руки. Строительство осуществляла строительная компания «Магнитострой». Следует отметить, что строительство железнодорожных линий Магнитогорск – Карталы, Магнитогорск – Уфа позволило жителям не только выезжать на близлежащие озера, но и быстрее и комфортнее преодолевать большие расстояния.

Следующим шагом в развитии железнодорожного сообщения стало создание пассажирских платформ, станций и вокзала. К приходу первого поезда в июне 1929 г. была подготовлена станция Магнитогорск ЮУЖД. Она представляла собой всего несколько путей для приема прибывающих строительных грузов, техники и пассажиров. Располагалась в районе современной трамвайной остановки Магнитогорска «Луговая». Параллельно велось строительство специально оборудованных площадок для посадки-высадки пассажиров – платформ на протяжении железнодорожной линии Магнитогорск – Карталы. Строительные объекты находились на станциях Джабык, Субутак, Гумбейка, Буренная и Аннеск.

В проект строительства сети железнодорожного сообщения входило создание пассажирской станции в Магнитогорске. Первоначально функции вокзала выполнял железнодорожный товарный вагон с вывеской «Станция Магнитогорск». В июле 1931 г. на заседании президиума горисполкома по докладу Бусыгина было выбрано место для строительства вокзального комплекса. Работы были начаты 1 августа 1931 г., и уже в 1932 году вокзал вступил в строй [2]. Здание вокзала вмещало более 300 пассажиров, имело два буфета, сберегательную кассу, справочное бюро, комнату матери и ребенка, красный уголок и ресторан. Таким образом, устройство вокзала представляло собой комфортный и удобный в использовании комплекс. Ежедневно через вокзал проходили 500 – 550 приезжающих и отъезжающих пассажиров. Регулярно, один раз в два дня, к нему подходил московский поезд и ежедневно Соликамский. Начальником вокзала в 1930-е – 1940-е гг. был Шорманов. В целом вокзал справлялся со своей главной функцией – осуществлением связи между различными населенными пунктами. В управление вокзала на 1937 г. входило 325 поездов двух видов: СУ и СИ. Продажа билетов велась как в кассах вокзала, так и с доставкой на дом, что вело к увеличению использования поездов пассажирами. Только за июнь 1936 г. кассой вокзала было продано 4 тыс. билетов, к концу года эта сумма составила 50 тыс. билетов.

Ежегодно левобережный вокзал и городская станция в конце мая изменяли расписание поездов, обслуживающих магнитогорцев. Количество пассажиров в летний сезон увеличивалось, что приводило к изменениям движения железнодорожного сообщения. Количество поездов дальнего следования оставалось неизменным, но ежедневно с 20 мая отправлялись дачные поезда по линии Магнитогорск – Карталы. Кроме того, каждый день отправлялись поезда на

Челябинск в 20 часов 50 минут и на Москву в 16 часов 25 минут. Основным пунктом продажи в городе Магнитогорске был, как и прежде, вокзал, дополнительным – городская станция, которая в свою очередь не всегда слаженно справлялась со своими функциями. Это касалось, прежде всего, случаев продажи нескольких билетов на одно место [3].

Отдельной строкой следует сказать о том, что Магнитострой был одной из крупнейших строек, в которой принимали участие не только граждане Советского Союза, но и иностранные подданные, поэтому железная дорога была важным звеном транспортных коммуникаций города. Именно по ней иностранные рабочие добирались до места своей новой работы. Иностранцы пользовались как жесткими, так и мягкими вагонами, следовавшими из Москвы. Комфорт проезда зависел в первую очередь от трудового договора, который заключал инорабочий / специалист с администрацией Магнитогорского металлургического комбината, а в последующем – от степени необходимости рабочего для строительства и трудолюбия иностранца. Валютные, «фирменные» специалисты пребывали в Магнитогорск в «международном вагоне». Разница класса вагона объяснялась тем, что расходы на проезд последних нередко брала на себя иностранная фирма, командировавшая специалиста. В предыдущих случаях проезд оплачивал «Магнитострой». Цена же на одно место в мягком вагоне из Магнитогорска в Москву в 1933-1934 гг. составляла 124 руб. (размер заработной платы по некоторым специальностям), в международном – 142 руб., а стоимость провоза одного килограмма багажа – 72 коп.

В отношении доставки багажа по железной дороге на «Магнитострой» следует остановиться отдельно. Если советские граждане ехали в Магнитогорск налегке, везя в лучшем случае чемодан с имеющимися пожитками, то иностранные рабочие стремились привезти с собой всё, по их мнению, необходимое для комфортной жизни, поэтому их скарб нередко превышал 120 – 400 кг [4]. Общая сумма вещей, ввозимых иностранцами в Магнитогорск, могла составлять до 1000 немецких марок. В подтверждение сказанному можно перечислить некоторые вещи из их багажа: швейная машинка, велосипед, пианино и др. Во избежание последующих недоразумений иностранные рабочие стремились предварительно застраховать свой багаж.

Однако, проделав долгий путь по железной дороге багаж, высланный иностранцами в Магнитогорск из Германии, прибывал в пункт назначения крайне “облегченным”, а то и вовсе терялся в пути. При этом хочется отметить некоторую наивность иностранных граждан, которые по прошествии многих месяцев не только надеялись еще на то, что их вещи будут найдены, но и предписывали советским железнодорожным службам вернуть эти вещи по указанному адресу. Более настойчивые иностранцы, вернувшиеся на родину, но так и не получившие свой багаж, к решению конфликта привлекали посольство. При этом дело принимало политический характер. Однако вмешательство иностранных властей не способствовало скорейшему решению вопроса: прения о возмещении ущерба иностранному гражданину между «Магнитостроем» и дирекцией железной дороги могли затянуться на годы. Впрочем, интерес зарубежного представительства к делу позволял получить иностранному рабочему возмещение ущерба в инвалюте.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. были налажены железнодорожные коммуникации Магнитогорска, которые позволили комфортно преодолевать пассажирам значительные расстояния в более короткие сроки, сделали более мобильной рабочую силу «Магнитостроя». В то же время железнодорожные перевозки оголили насущные проблемы новостройки: дефицит продуктов и промтоваров, что вело за собой кражу багажа; бюрократическую волокиту и безответственность ведомств, из-за чего не было возможности быстро решить вопросы компенсации похищенного; социальную дифференциацию рабочей силы. Несмотря на видимые проблемы и проволочки, железнодорожный транспорт стал для Магнитогорска своеобразной артерией, которая питала его всем необходимым, начиная от жителей и заканчивая товарами первой необходимости и стройматериалами, а также связывала новый город с другими населенными пунктами СССР.

Литература

1. МУ «Магнитогорский городской архив» (МУ МГА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
2. МУ МГА. Ф.10. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
3. Железнодорожные путаники // Магнитогорский рабочий.– 1937.– 4 августа.
4. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 258. Л. 27; Д. 248. Л. 17.

Социалистический город

Первые представления о том, каким должен быть социалистический город были грандиозными и представляли собой схему нового советского образа жизни и мышления. Предложенные в конце XIX – начале XX вв. градостроительные проекты города-сада, первого прототипа социалистического города от Э. Ховарда [1], а также ленточного города и города-спутника, имели все шансы стать эффективным решением проблемы функционального размещения населения, а также всех необходимых объектов инфраструктуры. Путем совмещения некоторых наиболее выгодных структурных компонентов подобные градостроительные планы были использованы в жилищном строительстве ряда европейских городов. Тем не менее, преобладавшая до некоторого времени ленточная схема застройки как основной прообраз социалистического города постепенно сменяется прогрессивными идеями «свободной застройки». Однако на территории «Магнитостроя» этот проект не был осуществлен в полном объеме, из-за того что универсальный план не мог подойти по одним и тем же параметрам к местам с различными территориальными и климатическими особенностями, возможностью снабжения техническим оснащением. Несмотря на эти обстоятельства, строительство новых городов и расширение старых по прообразу социалистического города продолжались с некоторыми поправками по всей стране [2].

Уже после распространения в СССР идей Н.А. Милютина о необходимости параллельного возведения промышленных и жилых зон и выхода в 1930 г. книги Н.А. Милютина с приложенными и описанными схемами строительства образцового советского города, отличительной особенностью которого должен был стать социалистический коллективный быт [3], многие начинают высказывать свои версии и идеи по этому поводу. Подобную утопическую теорию в духе своего времени высказывали «романтики» «Магнитостроя» А. Панфилов и А. Прохоров [4].

Американец Джон Скотт, принимавший участие в строительстве комбината и проживавший в Магнитогорске с 1932 по 1938 гг. (непосредственно в Соцгороде – с 1934 г.) оставил в свое время достаточно подробные заметки с описанием нового места жительства, а также нравов здешних обитателей [5. С. 109]. Качество строительных материалов и специалистов, как в сфере жилищного строительства, так и в промышленном секторе «Магнитостроя» оставляли желать лучшего. Не способствовала повышению производительности и смена генеральных планов строительства города, а также расформирование группы иностранных архитекторов-проектировщиков¹ [5. С. 110]. К тому же, несмотря на лозунги о социальном и коммунально-бытовом уравнивании рабочего класса, «те счастливы, которые переехали в дома Соцгорода сразу же после окончания... строительства, были в основном людьми, работавшими на производстве и в административно-хозяйственных отделах, а не строители» [5. С. 110].

Тем не менее, Джон Скотт был прав лишь отчасти: с одной стороны, исходя из практических соображений эксплуатации сооруженных жилых помещений, все сделанные им замечания действительно имели место быть, но, с другой стороны, сделанные американским рабочим выводы о причинах промахов в расчетах и в ходе самого строительства имеют поверхностный характер. Кроме выше указанных причин, стоит отметить тот факт, что ни один из представленных конкурсных проектов «Магнитостроя» не выражал четкой идеи о том, что должен на самом деле представлять социалистический город в совокупности производственного и жилого секторов, а не по отдельности [5]. «В 1934 г. на одного человека в этом районе приходилось в среднем 3,34 квадратных метра (35 квадратных футов) жилой площади. Это означало, что в одной комнате жили по четыре – пять человек». Вместо предусмотренных рамками градостроительного проекта 50 тыс. человек, которые должны были компактно расположиться в домах-коммунах [5. С. 214 – 216].

¹В начале 1930-х гг. на «Магнитострое» проводили проектировочные и строительные работы группы иностранных архитекторов-проектировщиков под руководством Э. Мая, а также специалисты американской фирмы «Мак-Ки».

В развивающемся Советском Союзе и в ещё строящемся городе социалистической мечты Магнитогорске, четких правил и выверенных цифр не приводилось; по крайней мере, те, что были, далеко не всегда сходились с первоначальным планом. Именно поэтому любой освободившийся метр жилого пространства тут же привлекал к себе внимание нуждающихся горожан [5. С. 234 – 237]. Плохие жилищные условия отчасти компенсировались его дешевизной, так как квартплата определялась не только в соответствии с количеством квадратных метров, но и зарплатой квартиросъемщика. В соответствии с состоянием бюджета индустриальных рабочих в 1932 – 1933 гг. на жилье уходило всего 4 – 5 % всех расходов семьи. Низкая квартплата рабочих, не окупавшая даже ремонта жилищ, создавала у обитателей коммунальных квартир чувство “псевдохозяина” – по принципу «всё, что мной освоено – мое» [6]. А возможно, в подобных условиях в силу вступал еще один негласный принцип: если территория в плохом состоянии, значит, она никому не нужна, впрочем, как и ее однообразная обстановка [6]. В целом в развитии «жилищной политики» весомую роль играло не только сохранение полезной площади из практических соображений, но и тот факт, что подавляющее большинство приехавших на строительство комбината и города соответственно – это вчерашние крестьяне, жившие в собственных домах, на отдельных земельных участках, без излишеств и удобств. Это вносило определенный отпечаток на освоении в новых условиях, характере быта и отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что идея создания социалистического города не была столь утопической, как может показаться на первый взгляд. Однако осуществление данного проекта встречало немало непредусмотренных препятствий в самых различных проявлениях с соответствующего рода последствиями. Несомненно, все известные и изложенные выше причины в некоторой мере раскрывают суть проигрышного варианта, которая заключается в том, что проект оказался не готов к резким изменениям и при корректировке вышел за пределы допустимых расчетов. Допущенные ошибки и упущенное время отложили свой след на облике левобережных кварталов. Тем не менее, не стоит больше углубляться в проблемы градостроительства и бытовых условий жизни горожан, для того чтобы составить столь многогранную характеристику ряда микротопонимических объектов.

Литература

1. Вагин, В.В. Социология города / В.В. Вагин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/02.php.
2. Милютин, Н.А. Соцгород: проблема строительства социалистических городов / Н.А. Милютин. – М. – Л.: Государственное издательство, 1930. – С. 5.
3. Милютин, Н.А. Соцгород: проблема строительства социалистических городов / Н.А. Милютин. – М. – Л.: Государственное издательство, 1930. – С. 8.
4. Панфилов, Ан. Магнитострой / Ан. Панфилов, Ал. Прохоров. – Магнитогорск, 1931. – С. 30 – 31.
5. Скотт, Джон. За Уралом: американский рабочий в русском городе стали / Джон Скотт; пер. с англ.; авт. вступ. ст. Л.И. Васькина. – М.: Изд-во МГУ; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 229 с.
6. Орлов, И.Б. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие / И.Б. Орлов // Наука – сервису: VII Международная научно-практ. конф.: сб. докладов на пленарном заседании. – М., 2003. – С. 149.

Р.Р. Бакеева
С.Ю. Малышева
КФУ, Казань, ул. Кремлевская, д. 18
e-mail: rimmaravilevna.bakeeva@rambler.ru,
e-mail: gura1483@mail.ru

Юбилейные заграничные командировки ученых Казанского университета в 1930 г.

Празднование юбилея Казанского университета в 1930 г. проводилось по утвержденной Народным комиссариатом просвещения программе. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Татарской АССР приняли Постановление «К 125-летию юбилею Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина», где предусматривалось наряду с закладкой химического института в Казани на улице Карла Маркса, также учреждение двадцати стипендий для студентов и пяти стипендий для научных работников. Важными пунктами юбилейной программы являлись контакты с международным научным сообществом: приглашение зарубежных ученых на торжественные мероприятия (приехали профессор Висс из Швейцарии, Винклер из Германии, Донген из Америки, Инуке из Японии, Козак из Германии и др.), издание на иностранных языках трудов, посвященных истории Казанского университета (125 years of Kazan University.– М., 1930.– 14 р.). Кроме этого, было принято решение об установлении сверх плана пяти заграничных командировок с научной целью для научных работников Казанского государственного университета [2. С. 353].

В архивных материалах, сохранившихся в фонде Казанского университета Национального архива Республики Татарстан, данные командировки рассматриваются в совокупности вместе со всеми остальными. В сентябре 1930 г. все запланированные внутрисоюзные и заграничные командировки на будущий год были рассмотрены на совещании директората (присутствовали директор университета председатель Г.Б. Багаутдинов, помощник директора по учебной части доцент Шварц, заведующие факультетами – медицинского Т.И. Юдин, физико-математического Н.Н. Парфентьев; заместитель заведующего факультетом М.Т. Нудин, заместитель заведующего геолого-биологическим факультетом Щербаков; от партийного коллектива – товарищ Базаревич [1. С. 58].

Свойственные данному времени тенденции ярко прослеживаются на основании материалов совещания. Например, поддержка молодых преподавателей являлась одним из важнейших направлений советской науки. В ответ на заявление основателя кафедры и клиники ЛОР-болезней профессор В.К. Трутнев (1892 – 1960 гг.) – [3] в Германию для изучения вопроса об атолитовом аппарате и проблемы применения трахеобронхоскопии при легочных заболеваниях было решено учитывать «то обстоятельство, что профессор Трутнев является молодым ученым, подающим большие надежды в будущем на свой научный рост, поэтому необходимо ходатайствовать о посылке его за границу на три месяца» [1. С. 58]. Также решено было поддержать заявление аспиранта Д.Я. Мартынова, будущего ректора КГУ (в 1951 – 1954 гг.), который обратился с заявлением о заграничной научной командировке в Германию и Голландию для исследования переменных звезд. Было решено предоставить командировку на три месяца для завершения образования. В 1932 г. результаты своей работы он суммировал в монографии «Затменные переменные звезды» [1. С. 58].

Развитие приоритетных направлений также имело большое значение при рассмотрении заграничных командировок. По вопросу о поездке профессора А.А. Яковкина (1887 – 1974 гг.) в Германию для изучения астрофотометрии было принято следующее решение: «Специальность, представителем которой является профессор Яковкин, находится в Казанском государственном университете в стадии своего усиленного развития, и поэтому командировка для знакомства с состоянием астрофотометрии за границей является необходимой» [1. С. 58]. Похожее решение было принято по командировке доцента Б.М. Гагаева (1897 – 1975 гг.) в Берлинский институт для ознакомления с организацией прикладной математики и приложения ее методов приближенного решения интегральных уравнений. «Ходатайствовать о трехмесячной заграничной командировке в Германию доцента Гагаева, представляющего из себя молодого выдающего научного работника. Доцент Гагаев работает в той области, которая сейчас имеет большие перспективы развития в условиях Казанского государственного университета» [1. С. 58].

Партийность ученых также учитывалась, так как большинство казанских ученых оставались беспартийными. Рассмотрев заявление старшего ассистента кафедры патологической физиологии М.И. Аксаянцева о посылке его за границу (в Германию и Швейцарию) для изучения физиологии

горных высот и вопроса патологии физиологии низких давлений была дана следующая характеристика ученого и принято решение: «Молодой пролетарский научный работник, крупный организатор, член ВКП(б), проявивший себя как талантливый и настойчивый научный работник, подающий большие надежды на будущее. Для своего дальнейшего научного развития настоятельно нуждается в командировке за границу» [1. С. 59].

Для развития кафедр Казанского университета также необходимы были заграничные командировки, поэтому на решении о многих командироваемых отмечается роль поездок для научного совершенствования направлений и структур университета. К примеру, решение на заявление известного математика Н.Н. Парфентьева (1877 – 1943 гг.) в европейские научные центры Германии, Франции, Италии для изучения новейших математических инструментов: «Кафедра прикладной математики, представителем которой является проф. Парфентьев, требует своего дальнейшего развития, и поэтому знакомство с постановкой работы за границей является крайне необходимым» [1. С. 59]. Аналогичны решения по вопросу о командировках профессора Н.А. Ливанова в университеты Берлина и Мюнхена для изучения постановки зоологии и анатомии беспозвоночных и для усовершенствования и расширения работы кафедры [1. С. 59], а также заявление профессора Н.Н. Сиротинина о поездке в Германию на четыре месяца к профессору Рону для изучения методов исследования проницаемости и применения их в патологии: «Н.Н. Сиротинин, несмотря на то, что является молодым профессором, успел за короткий срок заведывания кафедрой (I-I 1/2) не только хорошо организовывать учебную работу, но и развернуть большую научную работу. Кафедра привлекает уже в настоящий момент много научных работников, проводящих научные работы под руководством профессора Сиротинина. Не подлежит сомнению, что поездка профессора Сиротинина за границу и ознакомление его с соответствующими институтами обогатит его опыт и с пользой будет перенесена в практику кафедры» [1. С. 59].

Среди ученых Казанского университета конца 1920-х гг. татар было немного. Правительство старалось исправить данную ситуацию и способствовать развитию национальной интеллигенции. На заявление о посылке за границу профессора А.Г. Терегулова (в Германию – Фрейбург и Мюнхен) для ознакомления с постановкой научно-исследовательских работ и современным направлением научно-исследовательской мысли в области практической медицины дана следующая характеристика: «...является первым при Советской власти и пока единственным выдвинутым в число профессоров-медиков из татар. Способный молодой научный работник, подающий большие надежды в избранной специальности. Общественник, член ТЦИКа. Для формирования своей работы и окончательного оформления как научного руководителя настоятельно нуждается в заграничной командировке» [1. С. 59].

Несколько заявлений, в частности доцента А.П. Пономарева о поездке его за границу на четыре – шесть месяцев, сверхштатного ассистента Б.С. Биккенина, ассистента А.В. Кибякова о поездке его в Германию, получили резолюцию «Воздержаться».

2 ноября 1930 г. из комиссии по заграничным и внутрисоюзным командировкам пришло указание (вход. № 14439 от 12 ноября 1930 г.): «...в срочном порядке и во всяком случае, не позже 20 ноября сего года представить материалы на тех научных работников, которых Вы считаете необходимым в течение 1931 года командировать за границу или направить во внутрисоюзную командировку. Сами командировки должны быть подробно мотивированы в своей необходимости и должны вытекать из общего плана проводимого Вашими учреждением научно-исследовательской работы, который должен быть так же приложен. При этом необходимо было подробно указать тему научной работы и почему для ее выполнения не могут быть использованы внутрисоюзные научные учреждения. Кроме того, указать страну, города и непременно учреждения, услугами которых командированные имеют в виду воспользоваться, а также точные сроки командировок и желаемую её продолжительность, при этом необходимо учесть каникулярное время заграничных учреждений» [1. С. 67].

В результате 14 ноября 1930 г. университетом были утверждены следующие научные работники: профессора В.К. Трутнев, А.А. Яковкин, Н.Н. Парфентьев, Н.А. Ливанов, А.Г. Терегулов, Т.И. Юдин, В.М. Аристовский, Н.Н. Сиротинин, В.С. Груздев, доцент Гагаев, ассистенты А.Я. Мартынов, С.М. Курбангалеев, А.С. Дубяго, с пометкой «факультетам подтвердить указанные кандидатуры или подобрать новые, собрав срочно указанные материалы» [1. С. 69].

Литература

1. Национальный архив Республики Татарстан Казанского университета. Материалы (протоколы совещаний директора, университета, заявления, анкеты) командированных за границу в 1930 г. (на 181 л.). Ф. Р-1337. Оп. 82. Д. 21.
2. Исаков, А.П. Летопись Казанского государственного университета: история в фактах, подтвержденных документально / А.П. Исаков, Е.П. Исаков. – Казань; Лондон: Дизайн-студия «МИАН», 2004. Т. 1: 1804 – 1945. – 487 с.: ил.
3. Официальный сайт Казанского государственного медицинского университета <http://www.kgmu.kcn.ru/content/история-кафедры-оториноларингологии>

Краткая история боевых действий 32-го Отдельного дивизиона бронепоездов

32-ой Отдельный дивизион бронепоездов (ОДБП) формировался в Муроме городе с октября 1941 г. по 13 февраля 1942 г. Поиск в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) в Подольске, в архивах военкомата Мурома и в Интернете дали следующие результаты.

32-ой ОДБП состоял из двух бронепоездов типа ОБ-3, из четырех однотипных двухосных бронеплощадок и бронепаровоза (ОВ). В 32-й ОДБП входили бронепоезда № 15 «Сталинец» (с декабря 1942 г. – Бепо № 642) и № 54 «Москвич» (с декабря 1942 г. – Бепо № 697).

«Сталинец» забронирован некаленной броней 15 – 30 мм. Бронепаровоз, находящийся по центру, имел на тендере рубку командира бронепоезда, оборудованную для наблюдения за полем боя большой стереотрубой «БСТ» и смотровыми отверстиями. На тендере располагалась башня ПВО с пулеметом ДШК и пушкой 25-ти мм. Четыре бронеплощадки (БП) №№ 968, 969, 970 и 971 закрыты некаленной броней, борта и шестигранные башни 30-ти мм, каждая бронеплощадка вооружена пушками 76-ти мм и 45-ти мм и пятью пулеметами «Максим» и ДТ. БП №№ 968 и 969 построены в депо «Москва Товарная» Горьковской железной дороги, №№ 970 и 971 в Сталинских мастерских Октябрьской железной дороги и площадка ПВО № 186 заводом «Стальмост» с пушкой 25 мм и пулеметом ДШК [1].

Бронепоезд «Москвич» включал в себя бронепаровоз ОВ № 4799, построенный в депо «Москва-1» Дзержинской железной дороги, броня закаленная 30-ти мм, на башне ПВО 20-ти мм. Вооружение – пушка 25-ти мм и пулемет ДШК. БП №№ 972, 973, 974 и 975 забронированы заводом «Стальмост», броня некаленная, борта – 24 мм, башни круглые – 30 мм. Вооружение каждой БП состояло из пяти пулеметов ДТ, три 76-ти мм орудия и одного 107-ми мм и четыре пушки 45-ти мм [2].

Это были мощные современные боевые комплексы с хорошей броней и вооружением. Наличие двух бронеплощадок ПВО позволяло нести огонь по авиации противника, прикрывая наземные объекты от бомбардировок, что позволило 32-му ОДБП сбить шесть самолетов противника. Кроме того, в дивизион входил бронеавтомобиль (БА-10) с пушкой 45-ти мм и двумя пулеметами, база ОДБП, огневой взвод с четырьмя автомобилями, хозяйственно-бытовой блок и несколько платформ для ремонта пути и бронепоездов.

Штатный боекомплект площадки состоял из 180-ти снарядов и 6300 патронов, уложенных в специальные стеллажи. Экипаж бронеплощадки состоял из двенадцати человек. Для связи между вагонами и паровозом весь состав был оборудован телефоном и переговорными трубами. Электроэнергия для освещения вырабатывалась турбогенератором, установленным на паровозе, а для отопления состава в холодное время имелась система труб с подачей пара от котла.

На апрель 1945 г. в дивизионе числились 219 человек: 39 офицеров и 180 сержанта и красноармейца. Из Мурома с 8 декабря 1941 г. по 4 января 1942 г. были призваны в 32-й ОДБП 29 бойцов, из них шесть машинистов и помощников машиниста.

Начал формирование личного состава батальонный комиссар Новосёлов до приезда командира 32-го ОДБП майора Смирнова, а с марта 1944 г. до расформирования в 1946 г. командир А.П. Неплюев. Дивизион прошел с боями 2000 км от Мурома через Москву, Кашино, Талцы, Будогощ, Кириши, Ленинград, Кавголово, Лугу, Волковышкис, Мариамполь и закончил путь в Кенигсберге.

Дивизион воевал на Волховском, Ленинградском и Третьем Белорусском фронтах, активно участвовал в Ленинградской битве в составе Четвертой армии Волховской группы войск. Прибыв 8 мая 1942 г. на Волховский фронт с дислокацией на станции Будогощ, 32-й ОДБП своими силами восстановил семь километров железной дороги, ведущей к линии фронта и со 2 июня 1942 г. Бепо стали выходить на огневые позиции и вести обстрел немецкой обороны [3].

Особо упорные бои 32-й ОДБП вел в составе Четвертой армии у г. Кириши, поддерживая огнем своих батарей и пулеметов 44-ю стрелковую дивизию с июля 1942 г. по март 1944 г. 32-й ОДБП воевал настолько мастерски, что фашисты вели на него настоящую охоту, устраивая ловушки на железнодорожных путях, обстреливая из тяжелых орудий, бомбардируя с воздуха. 30 раз противник разрушал железнодорожные пути во время боя, пять раз бронепоезда сходили с рельсов, и каждый раз под огнем противника ремонтные бригады восстанавливали до 50-ти – 70-ти метров изуродованного рельсового пути и ставили тяжелый бронепоезд на рельсы.

32-й ОДБП своим огнем на давал возможности фашистам и финнам переправляться на наш берег р. Волхов, сберегая железнодорожный мост у ст. Кириши и подходя на 200 метров к переднему краю, подавлял огневые точки.

Бронепоезда проводили разведку боем. Пользуясь мощной броней, они ночью вызывали огонь на себя и засекали огневые точки противника, а затем, утром, уничтожали их. За боевые действия с июня 1942 г. по октябрь 1944 г. дивизион совершил до 500 артиллерийских налетов, уничтожил свыше 3284-х солдат и офицеров, 103 орудия и миномета, 80 дзотов, подавил 316 огневых точек и сбил четыре самолета. Воины дивизиона проявляли примеры героизма и отваги. Так, 5 сентября 1942 г. сержант Федотов уничтожил огнем из пулемета четыре вражеских миномета. Младший сержант Антипенко в ту же ночь, находясь в резерве пулеметчиков, поставил свой «Максим» на крыше бронеплощадки под сильным артобстрелом немцев и вел пулеметный огонь по двум пулеметным точкам, обнаруженным младшим сержантом, и уничтожил оба расчета. В 0 часов 45 минут 5 сентября 1942 г. во время третьего огневого налета осколками тяжелых снарядов было сделано три глубоких вмятины у бронепаровоза и перебит воздуховод. Силами паровозной бригады неисправности были устранены под сильным огнем противника и бронепоезд «Сталинец» продолжал бой. 22 января 1944 г. ровно в шесть часов утра, выполняя приказ командира 111-го стрелкового корпуса – «Во что бы то ни стало сохранить и захватить железнодорожный мост», – десант бронепоездников из сорока бойцов совместно с группой 206-го ОАПБ после мощной артподготовки бронепоездов штурмом овладел мостом. Противник бежал в направлении Тушина Острова, оставив на поле боя до 90 трупов. Десант, высадившийся с бронепоездов под командованием старшего лейтенанта Ф.С. Пашина, закрепил успех штурмовой группы и оставил 15 бойцов для охраны моста [4].

В ночь с 23 на 24 января 1944 г. диверсионная группа финнов три раза контратаковала гарнизон охраны моста с целью взорвать мост, но десант метким пулеметным и автоматным огнем отбил все атаки. Финны оставили на поле боя 10 человек погибших и раненых и отступили в направлении Тушина Острова. Железнодорожные войска шли сразу же за наступающими передовыми частями, проводили рельсовый путь, налаживали дистанцию пути к железнодорожному мосту и к станции Ирга. 1 марта 1944 г. 32-й ОДБП пошел по этому пути на Ленинград.

Своими зенитными батареями бронедивизион охранял с воздуха мосты через реку Лугу у города Луга и у города Толмачёва, а с 28 августа 1944 г. дивизион передали Третьему Белорусскому фронту. Прибыв 14 сентября на станцию Винчай, дивизион вошел в состав 11-й гвардейской армии, пройдя с ней с боями через Польшу до Мариамполя, где 28 апреля 1945 г. и завершил свой фронтовой путь. 18 июля дивизион был направлен в Кенигсберг с боевой задачей охраны тыла [5].

Подводя итоги боевых действий к трехлетию дивизиона, командование сообщило о том, что к 1 декабря 1944 г. бронепоезда 32-го ОДБП провели 630 огневых налетов, уничтожив (по неполным данным) 116 огневых точек, три наблюдательных пункта, 12 блиндажей, штаб полка, 22 артиллерийских батареи, 36 отдельных орудий и минометов, два склада, сбили шесть самолетов противника [6].

Литература

1. ОДБП // <http://miragewar.com>
2. ЦАМО. Ф. 32 ОДБП. Оп. 117673. Д.1.
3. ЦАМО. Ф. 32 ОДБП. Оп. 117673. Д.12.
4. ЦАМО. Ф. 32 ОДБП. Оп. 117673. Д. 2.
5. ЦАМО. Ф. 32 ОДЮП. Оп. 117673. Д. 3.
6. ЦАМО. Ф. 32 ОДБП. Оп. 117673. Д. 1 – 12.

К вопросу о неспровоцированности Великой Отечественной войны

Одним из основных положений истории Великой Отечественной войны было утверждение о неспровоцированности и внезапности нападения Германии на СССР. Это положение было озвучено в выступлении В.М. Молотова 22 июня 1941 г. («...не выдвигая никаких претензий и без объявления войны...»), постоянно повторялось во всевозможных документах, учебниках, в выступлениях и т. д. Вместе с тем, в последние годы всё чаще звучат голоса, утверждающие, что в действительности имело место игнорирование большого количества разведданных, прямо указывающих на начало военных действий, а тезис о неожиданности появился тогда, когда стало ясно, что нужно как-то объяснить гражданам страны, почему войну “проспали”.

В докладе рассматриваются некоторые обстоятельства и факты, позволяющие дать определенную положительную оценку значению и смыслу высказываний советского руководства о неспровоцированности войны.

Неизбежность войны, жизненную заинтересованность в ней высшего руководства Германии понимали многие. Анализ, проведенный в немецком Генштабе, показал, что к 1943 г. содержать армию можно будет только в том случае, если она на 100 % будет обеспечиваться продовольствием за счет других стран. В Германии уже реально сокращалось потребление продуктов питания.

То, что война неизбежна и советское руководство это понимало, со всей очевидностью следует из анализа доступных и открытых в последние годы документов. Об этом, например, говорил В.М. Молотов: «Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать – до Смоленска или до Москвы...» [3]. 18 ноября 1940 г. И.В. Сталин сказал на заседании Политбюро ЦК ВКП(б): «Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство... Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами... Мы всё время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии».

Именно поэтому, как следует, например, из воспоминаний разного уровня ответственности и осведомленности активных участников тех событий (Г.К. Жукова, И.Х. Баграмяна, К.К. Рокоссовского, Н.Г. Кузнецова, Н.М. Кулакова, И.Е. Чернова и др.), а также из архивных документов, включая Директивы наркома обороны и Генштаба, приказы командующих округами, дивизиями и т. п., и была проведена большая работа по уточнению (а фактически – формированию нового, с учетом сложившейся обстановки) плана прикрытия и мобилизационного плана, созданию трех эшелонов обороны за счет передислокации ряда частей западных округов и перемещения 16-й, 19-й, 21-й и 22-й армий из внутренних округов, формированию нескольких новых механизированных и стрелковых корпусов, проведению мероприятий организационного характера (например, так и не выполненные работы по усилению маскировки в ВВС), организации и проведению учений в западных округах и скрытой мобилизации 800 тыс. резервистов под видом участия в этих учениях, ускоренному строительству укрепрайонов и т. д. Однако при этом приходилось решать еще и другие вопросы, например, как поведут себя другие страны, кто будет поддерживать Германию, кто – СССР, а кто останется в стороне.

Известно, что высшее руководство Германии при начале военных действий искало какой-то предлог, а не найдя его, могло устроить и провокацию. Естественно предположить, что руководство СССР было обязано учитывать такую возможность.

Сейчас можно было бы сказать, что лучше уж было дать повод для начала войны и остаться в глазах многих «агрессором», но зато не было бы такого разгрома, таких потерь, такого напряжения сил, да и союзники в этом случае “проснулись” бы раньше. Рассмотрим, насколько реально такое предположение.

1. Германии всё-таки было важно в глазах западных стран выглядеть не агрессором, а жертвой. И реальные провокации организовывались в течение всего июня. Перед началом войны примерно с двух часов ночи 22 июня 1941 г. в сторону советской территории велся обстрел из стрелкового оружия, очевидно в надежде вызвать ответный огонь, что и было бы представлено как агрессия. 21 июня был дан приказ сбить пассажирский самолет «Москва – Берлин» (не выполнено, не смогли обнаружить) – [2], очевидно, в надежде на военный ответ.

2. Германия имела договор с Японией, по которому последняя *могла* (но не была обязана) вступить в войну, которую начала Германия, на стороне Германии, но *была обязана* вступить, если Германия становилась жертвой агрессии. Подписание договора о нейтралитете с Японией в Москве 13 апреля 1941 г. существенно снизило опасность войны на два фронта, однако опасность начала боевых действий на Дальнем Востоке сохранялась.

3. Весной 1941 г. конгресс США принял так называемый «Закон о ленд-лизе». Разумеется, закон был в первую очередь направлен на помощь Великобритании. Однако (и советское руководство имело об этом подробную информацию) были известны слова Ф. Рузвельта о том, что, «...если Германия нападет на СССР, США окажут России помощь, но если Сталин спровоцирует войну, США останутся в стороне». В этом случае на помощь США как союзника рассчитывать не приходилось.

4. Зыбкость надежд на помощь со стороны США была понятна и тогда из донесений разведки. Среди действительных хозяев страны были сильны взгляды на необходимость победы нацистов. В меморандуме, направленном президенту военным министром Г. Стимсоном 22 июня 1941 г., уже после начала войны, сказано: «Этот акт Германии почти напоминает дар providения. Эта последняя иллюстрация честолюбия и вероломства нацистов открывает... широкие возможности выиграть битвы в Северной Атлантике и обеспечить защиту нашего полушария в Южной Атлантике». С 10 января 1941 г. в Вашингтоне имели план «Барбаросса», однако даже У. Черчилль не был поставлен в известность о его содержании. Даже в меморандуме «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между Советским Союзом и Германией» от 21 июня 1941 г. значилось: «Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России. В частности, мы не должны участвовать ни в каких мероприятиях, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали не в духе доброй воли, если впоследствии мы будем вынуждены отказать в признании советскому правительству в изгнании или перестать признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну».

5. Приходилось учитывать постоянное стремление правительства Англии спровоцировать войну между СССР и Германией. Известна установка кабинета Н. Чемберлена: «Если Лондону не уйти от соглашения с Советским Союзом, британская подпись под ним <соглашением – В. Б.> не должна означать, что в случае нападения немцев на СССР англичане придут на помощь жертве агрессии и объявят Германии войну. Мы должны зарезервировать возможность заявить, что Великобритания и Советский Союз по-разному толкуют факты». Накануне войны, после одной из отчаянных попыток руководства СССР отодвинуть ее или хотя бы исключить возможность объявления нас агрессором, сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г., которое было адресовано (в свете всего выше перечисленного) еще и Англии с США, в момент, когда В.М. Молотов просил руководство Германии о срочной встрече с А. Гитлером («Молотов хотел 18 июня говорить с фюрером» – [1]), – послу СССР в Великобритании И.М. Майскому министром иностранных дел А. Иденом было предложено опубликовать заявление о готовности Великобритании оказать СССР военную помощь и о направлении военной миссии для ведения переговоров. Рассматривать такое предложение приходилось именно в контексте возможных провокаций со стороны Англии.

6. В случае объявления СССР агрессором было трудно предугадать поведение Англии. В этой ситуации она могла отказаться от союза с «агрессором» и заключить мирный или иной договор с «невинной жертвой», после чего либо присоединиться к Германии (захват района Баку интересовал не только Германию, но и Англию), либо спокойно дожидаться конца схватки перейдя в позицию «третьего льва». Примером такой логики поведения может служить уничтожение английским флотом флота союзника Великобритании – Франции, когда возникла опасность захвата французского флота немцами (операция «Катапульта» – захват и уничтожение кораблей французского флота в английских и колониальных портах).

7. Начало мобилизации в СССР оценивается во всём мире однозначно: максимум через две недели страна начнет войну (именно мобилизация в России заставила кайзера Вильгельма объявить в 1914 г. войну Российской империи). В силу этого запрет со стороны И.В. Сталина на проведение мобилизации представляется совершенно оправданным: в противном случае Германия получала идеальное обоснование для нанесения «упреждающего» удара.

С учетом того, что в реальности даже при внешнем выражении поддержки со стороны некоторых стран, Красной Армии пришлось воевать в одиночку практически со «сборной Европы» (в войне на стороне Германии участвовали военные силы и добровольцы из таких стран, как Италия, Испания, Франция, Финляндия, Словакия, Чехия – как протекторат, Венгрия, Румыния, Голландия, Сербия, Польша и т. д.), опасения советского руководства оказаться один на один против «сборной мира», вне всякого сомнения, имели под собой веские основания.

В свете перечисленного следует иначе оценивать постоянные предупреждения о необходимости на границе с Германией не поддаваться на провокации. Как следует из воспоминаний В.М. Молотова, руководство СССР прекрасно осознавало степень неготовности к военному противостоянию с Германией (по некоторым оценкам выход на запланированные рубежи реформирования и перевооружения армии мог состояться никак не раньше лета 1942 г., а скорее всего – к 1943 г.). И в этой ситуации давать Германии хоть какой-то повод было нельзя.

Подтверждение такого подхода можно найти, например, в директивах (начала мая 1941 г.) Наркома обороны (НКО) и начальника Генерального штаба (НГШ) № 503859/сс/ов – для Западного особого военного округа (ЗапОВО) и № 503862/сс/ов – для Киевского особого военного округа (КОВО), посвященных разработке и реализации плана прикрытия государственной границы: «Первый переход и перелет государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного командования». Аналогичное положение содержится в Планах прикрытия территории Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО).

Реализацию данного положения можно найти в документах военных советов, например, в директиве ЗапОВО № 002140/сс/ов от 14 мая 1941 г. командующему Третьей армией («Переходить и перелетать государственную границу только по моему особому приказанию») или в приказах подразделений низшего уровня, например, в приказе по 12-му механизированному корпусу ПрибОВО № 00331 от 18 июня 1941 г. («... В 23.00 18 июня 1941 г. частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться... Марши совершать только в ночное время. В районах сосредоточения тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение»).

В директиве Генштаба (упорно именуемой «Директива № 1») от 21 июня 1941 г., когда час начала войны уже был известен, прямым текстом говорится об опасности попасться на провокацию и о тяжелых последствиях такого просчета: «Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Судя по всему, до последнего момента, даже в условиях уже состоявшегося нападения руководство страны было готово решить вопрос миром. По воспоминаниям Г.К. Жукова, уже после объявления Германией войны, при обсуждении Директивы НКО и НГШ прозвучало: «Дайте директивы, – сказал И.В. Сталин, – но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу...».

Вывод.

Постоянное указание на отсутствие поводов для нападения Германии на СССР (неспровоцированность) было продиктовано следующим:

- во-первых, ясным пониманием неготовности СССР к ведению военных действий с Германией и осознанием тяжести положения, в которое попадет страна в случае начала военных действий;
- во-вторых, стремлением избежать обвинений в провокациях, что давало надежду на получение союзнической помощи и снижало риск войны на нескольких фронтах;
- в-третьих, в любом случае, это не стремление оправдаться за то, что войну «проспали», а целенаправленная политика, проводимая до начала войны и ориентированная на выигрыш времени и на максимальное снижение тяжести положения после начала войны.

Литература

1. Гальдер, Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939 – 1942 гг. В 3 т. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1 июля 1940 г. – 21 июня 1941 г.) / Ф. Гальдер. – М.: Воениздат, 1969. – 328 с.
2. Кершоу, Р. 1941 год глазами немцев: Березовые кресты вместо Железных / Роберт Кершоу. – М.: Яуза, 2010. – 544 с.
3. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. – М.: ТЕРРА, 1991. – 623 с.

О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев: Г.К. Жуков о П.В. Рычагове

Воспоминания очевидцев или участников исторически значимых событий являются источником ценной информации, позволяющей понять суть происходившего, задействованные силы, побудительные мотивы действий отдельных личностей или групп людей и т. д. С этих позиций «Воспоминания и размышления» одного из самых значимых и уважаемых маршалов Великой Отечественной войны Г.К. Жукова [2] представляют особый интерес, поскольку охватывают большой период жизни страны, причем не только в военный период. Особый интерес к этим воспоминаниям возникает и потому, что в книге дан личностный анализ общих процессов, протекавших в стране, рассказано о многих людях, так или иначе связанных с развитием государства, с принятием решений на различных (чаще всего высших) уровнях.

Вместе с тем известно, что в силу разных обстоятельств, среди которых можно отметить “сжатие” временных отрезков, аберрацию памяти, желание обойти какие-то неприятные ситуации и т. д., некоторые воспоминания меняют временную привязку, приоритеты, изобилуют лакунами, обретают иных действующих лиц и т. д. Понятно, что запись производится спустя много лет, основой может служить только собственная память, а она обладает свойством аберрации. В этом отношении легче всего, очевидно, было с публикацией дневников Ф. Гальдера, поскольку свои записи он вел в реальном масштабе времени и напрягать память не приходилось.

К сожалению, не последнее место в таких случаях занимает сознательное отклонение от реально происходящих событий в силу желания соответствовать какой-либо «генеральной» линии, уже внедренной или внедряемой в сознание. И поскольку некоторые части рассматриваемой книги, как известно, переписывались при последующих изданиях, очевидно, что и эти воспоминания не свободны от субъективных отклонений от реальности.

Доклад посвящен анализу соответствия реальным историческим фактам приведенных в книге Г.К. Жукова указаний на последний период жизни генерал-лейтенанта авиации, Героя Советского Союза П.В. Рычагова.

В восьмой главе первого тома своих воспоминаний, рассказывая о совещании высшего руководящего состава РККА 23 – 31 декабря 1940 г., Г.К. Жуков пишет: «Доклад на тему “Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе” сделал начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П.В. Рычагов, особенно отличившийся в Испании. Это было очень содержательное выступление. Трагическая гибель этого талантливого и смелого генерала в годы культа Сталина была для нас большой потерей. Вскоре после совещания он <П.В. Рычагов – В. Б.> был расстрелян» [2. Т. 1. С. 289].

Аналогично сказано о П.В. Рычагове и по итогам обсуждения: «Очень дельно говорил... П.В. Рычагов. Он настаивал на необходимости ускоренного развития наших воздушных сил на базе новейших самолетов и считал необходимым улучшить боевую подготовку летного состава» [2. Т. 1. С. 295].

Рассмотрим три ключевых момента воспоминаний: 1) выступления П.В. Рычагова были очень содержательными и дельными; 2) он настаивал на ускоренном развитии авиации и улучшении боевой подготовки; 3) вскоре после совещания он был расстрелян.

Сразу следует отметить, что последнее утверждение вступает в явное противоречие как с приводимым в десятой главе книги составом Наркомата обороны накануне войны («Заместитель наркома генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов – Главное управление военно-воздушных сил Красной Армии»), так и с реальным положением дел, поскольку к этому моменту П.В. Рычагов давно был освобожден от должности заместителя наркома, и она оставалась вакантной, а начальником ВВС стал генерал-лейтенант авиации П.Ф. Жигарев.

Павел Васильевич Рычагов родился в 1911 г. После окончания военной школы летчиков в 1931 г. последовательно занимал должности младшего летчика, командира звена, отряда, эскадрильи, бригады. Участник войны в Испании и в Китае. С 1938 г. командующий ВВС группы войск. В советско-финляндской войне начальник ВВС армии. В 1940 г. заместитель, первый заместитель, начальник ВВС Красной Армии, с февраля 1941 г. заместитель Наркома обороны СССР. Генерал-лейтенант авиации (1940 г.), Герой Советского Союза (1936 г.). Награжден четырьмя орденами. В начале Великой Отечественной войны арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.

Анализ основного выступления П.В. Рычагова [3. С. 172 – 182] показывает следующее.

В начальной части доклада дан общий обзор тенденций в авиации, представлен количественный анализ состояния авиапарка по Германии, Англии, Италии и Японии (без анализа вопроса по СССР), а также плотность самолетов в боевых действиях в Польше и Китае. Затем представлены различные аспекты наступательной операции (в части применения ВВС). В этой части основное содержание можно определить как общеакадемическое (“как в учебнике”) изложение пожеланий на уровне определений («Основной целью наступательной операции является разгром и уничтожение живой силы противника. С решением этой задачи легко разрешаются и все остальные»), не подкрепленное связью с конкретикой ведения боевых действий и реальными возможностями развития ситуации («Подчиненная непосредственно армиям и фронту авиация будет решать свои задачи, связанные с замыслом и в интересах ее»; «Воздушная разведка – важнейшее условие обеспечения успеха действий наземных войск и авиации. Без разведки успешное осуществление современной операции немыслимо. Она ведется всеми без исключения видами авиации как специально разведывательной, так и боевой. Воздушная разведка дает результаты только тогда, когда она ведется непрерывно, целеустремленно, организовано, при четкой и конкретной постановке задач...»). Приводимые в некоторых местах доклада оценки зоны применения авиации не подкреплены никакими выводами и представлены на уровне предположений («Глубина современной фронтовой операции будет примерно равна 300 км. Темпы продвижения в среднем на всю глубину операции будут примерно 12 – 15 км за день боя. Длительность операции на глубину 300 км при темпе продвижения 12 – 15 км будет 25 – 30 дней»).

В действительности вопрос о развитии авиации в докладе П.В. Рычагова специально не рассматривался. Однако говорилось о необходимости увеличения количества аэродромов и в общих словах об обучении совместным действиям общевойсковых и авиационных штабов. Вскользь заметив, что зарубежные самолеты с начала 1930-х гг. начали оборудоваться радиостанциями, начальник Главного управления ВВС Красной Армии самым перспективным видом связи земли с самолетами предложил считать сигнализацию цветным дымом (испытания в 1940 г. в НИИ ВВС всех закупленных в Германии боевых самолетов – Ме-109Е, Ме-110, Ю-88 – показали, что немецкий самолет не мыслится без радиостанции, радиокompаса, оборудования для слепой посадки и целого ряда оборудования, обеспечивающего боевое применение).

Анализ докладов других выступающих показывает более высокий уровень проработки материала. Можно отметить четкое изложение основных вопросов самим Г.К. Жуковым, конкретное выступление командующего войсками Московского военного округа генерала армии И.В. Тюленева и др.

В целом состояние дел в ВВС во многих выступлениях критиковалось (например, в докладах командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Ф. И. Кузнецова, начальника штаба Киевского особого военного округа, генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева и др.).

В заключительном слове П.В. Рычагов коснулся высказанных замечаний и отметил необходимость усиления подготовки к ночным полетам, в том числе в группах до 500 самолетов. При этом следует отметить, что уже в начале 1941 г., когда по предложению летчика гражданской авиации А.Е. Голованова (с августа 1943 г. – маршала авиации) И.В. Сталин поручил организовать в ВВС систему полетов по радиомаякам, уже давно применявшуюся в гражданской авиации, П.В. Рычагов назвал эту идею «дурацкой затеей» и потребовал от нее отказаться [1].

Особо следует отметить, что в плане улучшения боевой подготовки П.В. Рычагов предлагал запретить молодым летчикам заводить семьи, поскольку при наличии семьи летчик «...теряет боеспособность, храбрость и преждевременно изнашивается физически».

ВВС были единственным родом войск, который Нарком обороны С.К. Тимошенко в своей заключительной речи отметил откровенно негативно, особо отметив, что «... у нашего руководящего состава ВВС нет единства взглядов на такие вопросы, как построение и планирование операций, оценка противника, методика ведения воздушной войны и навязывание противнику своей воли, выбор целей и т. д.» [3. С. 357].

Утверждение о том, что вскоре П.В. Рычагов был снят и расстрелян, неверно. Он продолжал выполнять свои функции начальника Главного управления ВВС Красной Армии, а с февраля 1941 г. был повышен – назначен еще и на должность заместителя Наркома обороны СССР.

Можно назвать странным отсутствие в воспоминаниях Г.К. Жукова сведений о совещании Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и руководящего состава наркомата обороны во главе с И.В. Сталиным, которое состоялось 9 апреля 1941 г. и было посвящено вопросам укрепления дисциплины в авиации. Странность заключается в том, что Г.К. Жуков был одним из инициаторов проведения этого совещания (вместе с С.К. Тимошенко), поскольку в ГШ и Наркомате обороны были обеспокоены положением, сложившимся в ВВС.

К весне 1941 г. ситуация с аварийностью в военной авиации совершенно вышла из-под контроля. За первые три месяца только в приграничных округах произошли 71 катастрофа и 156 аварий. В протоколе заседания указывалось, что аварии и катастрофы не только не уменьшаются, но всё более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы, причем руководство ВВС оказалось неспособным повести серьезную борьбу за укрепление дисциплины в авиации и за уменьшение аварий и катастроф и встало на путь сокрытия этих фактов.

Как вспоминал адмирал флота Советского Союза И.С. Исаков, во время совещания, когда очередь выступления дошла до П.В. Рычагова, тот неожиданно резко произнес: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!». Поскольку И.В. Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с ней вопросах, все понимали, что эта реплика прозвучала для него личным оскорблением. Следует учесть, что и сам П.В. Рычагов, судя по всему, был его любимцем. Такой вывод можно сделать из стремительной карьеры (за девять лет прошел путь от младшего летчика до генерала, заместителя наркома обороны) и того факта, что в партию его приняли без обязательного кандидатского стажа по личной рекомендации самого И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова. После паузы И.В. Сталин медленно и тихо произнес: «Вы не должны были так сказать!», помолчал, повторил фразу и закрыл совещание.

По Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР 12 апреля 1941 г. П.В. Рычагов был снят с постов начальника ВВС Красной Армии и заместителя наркома обороны как недисциплинированный и не справившийся с обязанностью руководителя ВВС и направлен на учебу в Военную академию Генштаба.

При анализе состояния различных видов вооруженных сил накануне войны Г.К. Жуков не упоминает данное совещание, хотя, как совершенно очевидно, оно было знаковым и давало важную информацию не только для осмысления положения авиации перед войной и на ее первом этапе, но и с точки зрения понимания судьбы П.В. Рычагова.

В связи с вскрывшимся не бедственным, а катастрофическим положением дел в авиации, что показали первые же дни войны, П.В. Рычагов как один из ответственных за подготовку ВВС к войне 24 июня 1941 г. был арестован. Расстрелян 28 октября 1941 г. (Вопрос о степени виновности П.В. Рычагова и правомочности применения к нему карательных или иных мер выходит за пределы данного доклада).

Вывод.

Следует сделать однозначный вывод о том, что в части, касающейся последних месяцев жизни П.В. Рычагова, воспоминания Г.К. Жукова не могут рассматриваться как абсолютно достоверные. Возможно, имеет место обычная для таких мемуаров, написанных много лет спустя после описываемых событий, абберация памяти, смещение акцентов, путаница с временными отрезками. Однако отсутствие упоминания о действительно важных для понимания состояния дел в ВВС страны и последующего разгрома авиации событиях, откровенное «выстраивание линии» на привязку к «культу личности», вынуждают высказать предположение, что не последнюю роль сыграли субъективные факторы, заставившие уважаемого маршала дать описание в рамках доминирующей на тот момент «генеральной линии» в освещении войны и объяснении причин, приведших к таким страшным потерям.

Литература

1. Голованов, А.Е. Дальняя бомбардировочная... / А.Е. Голованов.— М.: Дельта НБ, 2004.— 630 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. / Г.К. Жуков.— М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990.
3. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23 – 31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1).— М.: ТЕРРА, 1993.— 408 с.

«Поведенческая революция» в американской политической науке: интеллектуальная и институциональная интерпретации

Первые десятилетия после Второй мировой войны являются наиболее драматическим периодом в истории американской политической науки. Изменения, происходившие в это время, в дальнейшем получили название «поведенческой революции».

Прежде всего, необходимо разграничить такие понятия, как «поведенческая революция» и бихевиорализм. В самых общих чертах бихевиорализм может быть описан как теоретически направленный эмпиризм, который стремится к установлению законов, используя в качестве своей эпистемологической модели методологию естественных наук. Его цель – описание, объяснение и предсказание политических процессов на основании количественных данных [4. С. 1125]. При этом «поведенческую революцию» не следует связывать с возникновением бихевиорализма, разработка теоретических основ которого началась задолго до нее [2. С. 196].

Под «поведенческой революцией» в данной работе понимается ускоренный рост бихевиорализма как академического движения, его научная и социальная легитимация, а также увеличение влияния на научное сообщество. Основываясь на данном определении, мы можем выделить несколько операциональных признаков «поведенческой революции»:

- 1) увеличение количества политологов, представляющих бихевиоралистский подход;
- 2) увеличение общего количества поведенческих исследований;
- 3) увеличение количества работ, публикуемых в American Political Science Review (APSR), использующих количественный анализ [5. С. 468] и опросные методики сбора данных [5. С. 469], а также появление на страницах APSR исследований, основанных на экспериментальных методиках [4];
- 4) кардинальное изменение вокабуляра политологов [6. С. 190 – 191];
- 5) политологи, представляющие бихевиоралистское направление, стали наиболее влиятельными учеными в рамках дисциплины [7. С. 66].

Показателем ускоренного роста бихевиорализма является сравнительно короткий срок, за который произошли указанные выше изменения: с 1945 по 1970 гг. бихевиорализм является единственным академическим движением в истории американской политической науки, кардинально изменившим дисциплину за столь маленький промежуток времени. При этом бихевиорализм не занимал главенствующих позиций в послевоенной политической науке США.

Основными вопросами, интересующими исследователей бихевиорализма, являются вопросы об оценке его новизны и «революционности» и идентификации изменений, связанных с «поведенческой революцией». Однако для нас интерес представляют предпосылки «поведенческой революции». Как за столь короткий период стали возможны такие фундаментальные трансформации?

Существуют два возможных подхода к анализу этого вопроса. Условно назовем их *интеллектуальным* и *институциональным*.

Интеллектуальный подход делает акцент на внутринаучных факторах развития знания. Для его представителей внутренняя интеллектуальная динамика дисциплины и установки ученых являются основными факторами в ослаблении одной точки зрения и росте влияния другой.

С точки зрения данного подхода, «поведенческая революция» представляет собой сознательный отказ политологов от недостатков «традиционной» политической науки. Так, по мнению А.Л. Алюшина и В.Н. Поруса, «заметную популярность среди американских политологов бихевиорализм завоевал благодаря четко выраженной установке на эмпирическое исследование поведения людей в сфере политики. Этим он выгодно отличался в глазах позитивистски и сциентистски ориентированных американских обществоведов, разочаровавшихся в возможностях политических доктрин, разработанных в рамках европейских социально-философских и государственно-правовых традиций XIX в. и характеризовавшихся поверхностным сравнительно-историческим описанием, абстрактным морализмом и спекулятивностью, узким юридическим формализмом» [1. С. 95].

Также к интеллектуальным предпосылкам относятся отсылки к особой научной культуре американского общества. Однако особую научную культуру в США не нужно переоценивать, так как, во-первых, очень многие ученые, игравшие важную роль в бихевиоралистской переориентации политической науки, были представителями европейской эмиграции с соответствующей научной культурой; во-вторых, интеллектуальные корни «поведенческой революции» частично восходят к европейской социальной науке рубежа XIX – XX вв. (работы М. Вебера, Г. Уоллеса, З. Фрейда, Р. Михельса, М. Острогорского и др.)

При применении интеллектуального подхода к анализу «поведенческой революции» остается ряд вопросов, требующих прояснения. Во-первых, почему «поведенческая революция» произошла именно в период после Второй мировой войны, а не ранее – ведь уже к 1920-м гг. сформировались базовые идеи бихевиорализма? Во-вторых, с чем связана динамика протекания «поведенческой революции»?

Институциональный подход, в отличие от интеллектуального, акцентирует внимание на формирующей дисциплину институциональной матрице, социально-политическом контексте научных изменений, а также взаимодействии ученых с различными социетальными акторами. Отличия в описательном инструментарии такого подхода проявляются в смещении акцента от изображения трансформации теоретического знания в сторону изменений в социальной организации научной деятельности.

По нашему мнению, основные институциональные предпосылки, способствовавшие «поведенческой революции», следующие:

- 1) Вторая мировая война и послевоенные социально-политические условия (холодная война, маккартизм);
- 2) поддержка бихевиорализма со стороны частных филантропических фондов;
- 3) поддержка бихевиорализма государством (в частности, поддержка со стороны National Science Foundation);
- 4) возникновение сети научно-исследовательских и образовательных учреждений, поддерживающих поведенческие исследования, а также переориентация существующих учреждений;
- 5) институциональные трансформации в профессиональных ассоциациях политологов и связанных с этим структурах;
- 6) изменение политики университетской администрации по отношению к бихевиорализму, а также характера педагогического дискурса.

Институциональный подход, по нашему мнению, является наиболее эффективным инструментом для исследования «поведенческой революции» в американской политической науке. Однако необходим более детальный анализ вышеуказанных институциональных изменений.

Литература

1. Алюшин, А.Л. В.Н. Власть и “политический реализм” (поведенческие концепции власти в политической науке США) / А.Л. Алюшин, В.Н. Порус // Власть: очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В.В. Мшевениерадзе.– М.: Наука, 1989.– С. 95 – 128.
2. Бойцова О. Ю. Нормативизм в западной политической науке XX в.: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.00.– М., 2004.– 440 с.
3. Druckman, J. The Growth and Development of Experimental Research in Political Science / J. Druckman, D. Green, J. Kuklinski and A. Lupia // American Political Science Review.– 2006.– № 4.– P. 627 – 635.
4. Falter, J.W. Behavioralism: Political / J.W. Falter // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. N.J. Smelser, P.B. Baltes.– Oxford: Elsevier, 2001.– P. 1125 – 1128.
5. Sigelman, L. The Coevolution of American Political Science and the American Political Science Review / L. Sigelman // American Political Science Review.– 2006.– № 4.– P. 463 – 478.
6. Somit, A. The Development of American Political Science: From Burgess to Behavioralism / A. Somit, J. Tanenhaus.– Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1967.– P. IX, 220.
7. Somit, A. American political science: A profile of a discipline. New York.: The Atherton Press, 1964.– P. XIV, 173.

С.А. Игонькин¹

В.В. Костылёв²

С.В. Лобаненков²

¹Арзамасский государственный педагогический институт
607220, г. Арзамас, Нижегородской обл. ул. Карла Маркса, д. 36

e-mail: agpi@nts.ru

e-mail: sigonkin@mail.ru

²Муромский институт Владимирского государственного университета
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23

e-mail: vl-kostylev@mail.ru

Празднование столетия Отечественной войны 1812 г. на Земле Нижегородской

Наше исследование сосредоточено на боевых действиях Нижегородского народного ополчения и русской армии в 1812 г., при этом, однако, охватывает и время формирования ополченческой земской милиции в 1806 – 1807 гг. (на примере Арзамасской), и в целом военную кампанию 1812 – 1814 гг., включая заграничные походы.

Наступивший 2012 г. ознаменован и 200-летием Отечественной войны 1812 г., и 400-летием освобождения Земли Русской от иноземных интервентов в 1612 г. Именно к этим датам приурочен выход в свет монографии «С Богом, верой и штыком» в издательстве Муромского института Владимирского государственного университета [15]. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии 1812-1814 гг. представляется весьма актуальным выход в свет книги, рассказывающей в основном об участии нижегородцев в народном ополчении и боевых действиях русской армии в то время, а также о торжествах в честь столетия Отечественной войны 1812 г. В исследовании представлен анализ архивных, исторических, литературных источников на данную тему. При этом впервые введен в научный оборот ряд архивных документов (163 источника), изученных автором (в основном в период его работы в Государственном архиве Нижегородской области г. Арзамаса и во время учебы на историческом факультете Арзамасского государственного педагогического института [10] – [16].

История народных ополчений имеет глубокие национальные корни. Еще в Древней Руси отсутствие единого и хорошо вооруженного, профессионального войска вызывало необходимость собирать народное ополчение против иноземных захватчиков. История русских народных дружин нашла свои яркие проявления и на Нижегородской земле. В «смутное время» начала XVII в. польско-литовские интервенты бесчинствовали в Москве. Под Зарайском в 1608 г. арзамасцы доблестно сражались с поляками в составе ополченческих отрядов. В 1612 г. – 400 лет назад – в Нижнем Новгороде Козьма Минин и Дмитрий Пожарский возглавили народные силы, чтобы совершить поход на Москву и освободить русскую златоглавую столицу от интервентов.

Ровно через 200 лет, когда наступило грозное время Наполеоновского нашествия, вновь было собрано народное ополчение, в котором немалую роль сыграли жители Нижегородского края, в том числе и арзамасцы.

За свою историю Арзамас неоднократно собирал ополчения: в 1608, 1806 – 1807, 1812 гг. и во время Крымской войны в 1855 г.

Войны с наполеоновской экспансией в 1806 – 1807, 1812, 1813 – 1814 гг. стали испытанием для нашего народа и поворотным моментом духовной жизни России. Кроме того, эти войны оказали огромное влияние на судьбу Европы – не только в военном, но и в социальном отношении.

Исследовательский интерес к этой эпохе никогда не угасал. Историки вновь и вновь возвращались и возвращаются к данной теме, находя новые, доселе неизвестные факты. История Нижегородского края в этой связи представляет собой богатый материал для краеведческих изысканий. Актуальность данной темы также обусловлена изучением краеведения в школе. Героические страницы Отечественной истории воспитывают в детях чувство любви к Родине. Осмысление событий на уровне региональной истории дает ключ к обобщению прошлого страны в целом.

Одним из первых историков, изучавших народные ополчения, был генерал и арзамасский помещик, официальный историограф Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813 – 1814 гг. А.И. Михайловский-Данилевский, который подробно повествует о сборе

ополченцев, формировании их полков, обмундировании, вооружении, численности ополчений в 1812 г. [18]. Николай I предоставил этому историку архивы, закрытые для других исследователей.

Историю Нижегородского края 1812 г. и Нижегородского ополчения стали изучать особенно глубоко в 1912 г. в связи со столетием Отечественной войны. Из опубликованных источников следует отметить книгу В.Р. Апухтина «Нижегородское дворянское ополчение 1812 – 1814 гг.: краткий очерк и материалы о сформировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей» [1]. Будучи действительным членом Императорского Русского военно-исторического общества, В.Р. Апухтин изучал документы из Военно-учетного архива. Доступ к материалам Центрального военного архива, а также документы Нижегородского дворянского архива позволили исследователю выстроить отчетливую картину истории Нижегородского ополчения 1812 – 1814 гг. Большую работу проводила Нижегородская губернская архивная комиссия. В 1912 г. и 1916 г. в сборниках Нижегородской губернской архивной комиссии печатали материалы, посвященные теме войны с Наполеоном [8] – [9].

В 1911 г., в преддверии празднования столетия Отечественной войны, вышли в свет «Исторические сведения о городе Арзамасе» Н.М. Щеголькова [19]. Отдельная глава посвящена Арзамасу в 1812 г. В ней рассматривается участие жителей города в войне и обстановка в Арзамасе в 1812 – 1814 гг.

В 1912 г. в России широко отмечали столетие Отечественной войны 1812 г. К знаменательной дате было издано большое количество литературы, посвященной грозным событиям. Первоначально планировалось, что потомкам участников грозных событий «войны народной» выдадут денежные поощрения. Однако от этого пришлось отказаться, поскольку потомков оставалось много, а денежный фонд был ограничен. Было решено отчеканить юбилейную медаль. Вполне понятно, что губернским властям нужно было грамотно организовать поиск таких потомков. Решили привлечь к этому Александровский комитет по раненым. Граждане, претендовавшие на юбилейную медаль, обязаны были представить документальное доказательство об участии их прямых потомков по мужской линии в событиях 1812 г. Было четко указано: «Участие в наполеоновских войнах до и после 1812 г., происходивших вне пределов России, основанием к оказанию милостей служить не будет» [17]. Несправедливость этой формулировки становится ясна, если понимаешь, что нельзя разделить исторические периоды 1812 и 1813-1814 гг. По логике устроителей столетнего юбилея, арзамасцы, потомки которых служили в ополчении, но не участвовали в боях 1812 г., не имели права на юбилейную медаль. Между тем, Нижегородское ополчение активно участвовало в боевых действиях в Европе в 1813-1814 гг.

В июне 1912 г. на заседании Арзамасской городской Думы была принята программа празднования столетнего юбилея Отечественной войны. 30 августа праздничную программу открыли в Воскресенском соборе, построенном в честь победы над Наполеоном. В храме отслужили благодарственный молебен. Торжественно было вынесено знамя Арзамасской дружины, участвовавшей в Отечественной войне» [3]. Миф об Арзамасской дружине родился в год празднования столетия знаменательного события. Однако в действительности не существовало Арзамасской дружины как самостоятельной боевой единицы. Арзамасцы служили в третьем пешем полку второго батальона. В батальоне служили и ардатовцы, и ратники из Лукоянова. В Воскресенском соборе находилось знамя именно второго батальона, а не Арзамасской дружины.

С хоругвями и знаменем ополченцев Крестный ход прошествовал вокруг собора. В сентябре 1912 г. на Всехсвятском кладбище у братской могилы русских солдат, скончавшихся от ран, полученных в битвах 1812 г., отслужили молебен и совершили Крестный ход, установили Крест с Распятием. Распятие было заказано у мастеров каслинского литья. Все расходы по заказу и установки Распятия взял на свой счет глава Арзамасской городской управы Н.М. Щегольков. Справедливости ради нужно отметить, что на облагораживание братской могилы собирали деньги всем миром. Например, в списках жертвователей значится действительный член общества хоругвеносцев имени Александра Невского протоирей Николай Иванович Строгородский [6]. С тех пор в Арзамасе установилась традиция проведения ежегодной Божественной литургии на братской могиле воинов 1812 г.

К юбилею знаменательной даты из канцелярии Нижегородского губернатора пришло уведомление о том, чтобы «...рекомендовать учебным, крестьянским, городским и другим учреждениям для более широкого ознакомления всех слоев населения губернии с событиями 1812 года... юбилейные брошюры и гравюры, и каталоги этих изданий» [2]. Для учебных заведений стоимость брошюр была от семи до пятидесяти копеек. Например, книжка В.В. Жерве «Славный вождь 1812 года –

Кутузов» стоила 7 копеек. Городской управой было выделено 68 рублей «...на приобретение 80 шт. брошюр... для раздачи учащимся приходских училищ» [4].

От имени арзамасской общественности городской голова отправил телеграмму в канцелярию Нижегородского губернатора. Конечным адресатом телеграммы был император Николай II. В октябре на имя Арзамасского городского головы из канцелярии Нижегородского губернатора пришло уведомление, где сообщалось, что на телеграмму от 30 августа «...Государь Император собственноручно начертать соизволил: “Всех искренно благодарю”...» [5].

После октября 1917 г. по стране прокатилась целая волна уничтожения исторических памятников, в том числе и связанных с Отечественной войной 1812 г. и заграничным походом. Из всех достопримечательностей в Арзамасе, связанных с 1812 – 1814 гг., устоял лишь Воскресенский собор. Братская могила воинов 1812 г. на бывшем Всехсвятском кладбище не сохранилась. От ополченческого знамени остался только муляж...

В изучении темы формирования ополчений в Нижегородской губернии в 1806-1807, 1812 и 1855 гг. следует активнее привлекать архивные документы. Одна из основных трудностей для исследователей заключается в том, что документы на эту тему находятся в разных фондах.

Следует иметь в виду, что ополчение – это нерегулярные войска и сформировывались они как резерв армии. Тем не менее, любое ополчение числилось как отдельная боевая единица. Это значит, что и задачи перед ополченцами ставились вполне серьезные, боевые. Примерами тому 1812 – 1814 гг. и ополченческие дружины в Крыму, на Севастопольских бастионах в 1855 г.

Как совершенно гражданские люди, волей судьбы оказавшиеся в военном строю, вели себя в экстремальных условиях? Как выносили все тяготы и лишения военной службы? Какое влияние имел социально-экономический аспект в истории Нижегородских ополчений? Это далеко не все вопросы по данной теме, требующие дальнейшего изучения.

Современные исследователи и в особенности краеведы в год 200-летия Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии должны достойно продолжить дело историков, публиковавших свои работы во время празднования столетия тех грозных событий. А сведения о праздновании векового юбилея Отечественной войны будут способствовать тому, чтобы и мы в году 2012-м достойно встретили столь знаменательную дату – двухсотлетие «дня Бородина». Воистину так, как пели об этом русские солдаты ровно два столетия назад:

*Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть, чем в рабстве жить!
Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!*

Литература

1. Апухтин, В.Р. Нижегородское дворянское ополчение 1812-1814 гг.: краткий очерк и материалы о формировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского губернского ополчения в 1813 г. за границей / В.Р. Апухтин; под ред. Нижегородского губернского Предводителя дворянства. – Нижний Новгород: Изд. Нижегородского дворянства, 1912. – 56 с.
2. Государственный архив Нижегородской области г. Арзамаса (ГУ ГАНО г. Арзамаса). – Ф. 23. Оп. 1. Д. 727. Л. 4.
3. ГУ ГАНО г. Арзамаса Ф. 23. Оп. 1. Д. 727. Л. 10.
4. ГУ ГАНО г. Арзамаса Ф. 23. Оп. 1. Д. 727. Л. 71.
5. ГУ ГАНО г. Арзамаса Ф. 23. Оп. 1. Д. 727. Л. 73.
6. ГУ ГАНО г. Арзамаса Ф. 46. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.
7. Государственное управление Центрального архива Нижегородской области (ГУ ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 3. Д. 15. Л. 128, 165.
8. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 года. Вып. 1. Финансы / под ред. С.И. Арангельского. – Нижний Новгород, 1916. – 133 с.

9. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сб. Т. 13. Вып. 3.– Нижний Новгород, 1912.– 104 с.
10. Игонькин, С. Боевые действия Нижегородского ополчения в боях за город Гамбург в 1814 году / С. Игонькин // Арзамасская сторона: просвет. ж.– 2006.– № 7.– С. 64 – 65.
11. Игонькин, С. Боевые действия Нижегородского ополчения в Саксонии в 1813 году / С. Игонькин // Арзамасская сторона: просвет. ж.– 2005.– № 5.– С. 74-76.
12. Игонькин, С. Генерал П.И. Багратион / С. Игонькин // Арзамасская сторона: просвет. ж.– 2007.– №№ 12 – 13.– С. 160.
13. Игонькин, С.А. Государственная помощь отставным военным-инвалидам в Российской империи во второй половине XVIII – XIX вв. (на примере Арзамасского и Ардатовского уездов) / С. Игонькин // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. материалов научно-практ. конф. (Арзамас, 10 дек. 2009 г.). Вып. VI / под общ. ред. В.И. Грубова.– Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 2010.– 278 с.– С. 62 – 66.
14. Игонькин, С. Красивая легенда об арзамасском егере / С. Игонькин // Арзамасская сторона: просвет. ж.– 2006.– №№ 8-9.– С. 137.
15. Игонькин, С.А. С Богом, верой и штыком. Нижегородцы в боевых действиях ополчения и русской армии (1812, 1813-1814, 1855 гг.): моногр. / С.А. Игонькин; под общ. ред. В.В. Костылёва.– Муром: Изд.-полиграфический центр МИ ВлГУ, 2011.– 133 с.: ил.
16. Игонькин, С. Пленные армии Наполеона в Арзамасе в 1812 – 1814 годах / С. Игонькин // Арзамасская сторона: просвет. ж.– 2006.– №№ 8 – 9.– С. 83 – 85.
17. К юбилею Отечественной войны // Волгарь.– 1912.– 26 апр., № 113.
18. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский.– (Военная история России).– М.: Яуза, Эксмо, 2007.– 576 с.
19. Щегольков, Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе / Н.М. Щегольков.– Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911.– 273 с.

Партийная статистика и внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 20-е годы XX века

Материалы партийной статистики остаются одним из основных и наиболее информативных источников для изучения социальной структуры Коммунистической партии. Вместе с тем, чтобы правильно использовать возможности этого источника, необходимо учитывать особенности развития и деятельности органов, ведавших партийной статистикой, поскольку они серьезно влияли на полноту и качество статистических данных.

Предметом данного исследования является развитие системы партийной статистики в 20-е годы XX в., когда разворачивалась острая внутрипартийная борьба за лидерство. Цель работы заключается в том, чтобы проследить эволюцию подходов к сбору и обработке сведений о социальном составе партии в связи с изменением политической ситуации в партии и в обществе в целом.

Возникновение партийной статистики было связано с осознанием необходимости учета реальных сил Коммунистической партии после захвата власти большевиками, однако в условиях гражданской войны долгое время не удавалось наладить систематический учет членов РКП(б). В структуре ЦК партии до октября 1921 г. не было специального органа, занятого исключительно сбором и обработкой статистического материала. Не имея четкого руководства из центра, местные организации РКП(б) с большим трудом налаживали учет коммунистов, руководствуясь своим собственным пониманием возникавших проблем и испытывая острый недостаток в квалифицированных кадрах.

В октябре 1921 г. в составе Секретариата ЦК РКП(б) был создан самостоятельный статистический отдел. С этого момента начинается новый этап в развитии партийной статистики. В соответствии с Положением о статистическом отделе (Постановления ЦК РКП(б) от 12 августа 1923 г. и ЦК ВКП(б) от 28 июня 1926 г.) перед отделом стояли две главные задачи: 1) статистическое изучение состава партии и ее деятельности; 2) руководство учетной и статистической работой местных парторганов [1].

К решению этих задач были привлечены хорошо подготовленные люди: организатором статистического отдела стал известный ученый-статистик С.Г. Струмилин, а в 1922 г. отдел возглавила Е.Г. Смиттен, имевшая большой опыт работы в земской и фабричной статистике. Другие руководящие работники Статотдела также принимали участие в деятельности статистических органов как до Октябрьской революции 1917 г., так и после нее.

Благодаря принятым мерам к 1924 г. была налажена довольно четкая работа по ведению текущей партийной статистики. Статистический отдел регулярно получал и обрабатывал единообразную отчетность с мест. На ее основе в 1924 г. начал выходить сборник «РКП(б) в цифрах». Качество работы статистического отдела ЦК РКП(б) в период с 1924 по 1927 гг. достигает очень высокого уровня. Наряду с улучшением организации сбора информации на местах сотрудники отдела серьезно занимались повышением качества аналитических материалов. В 1925 – 1926 гг. активно разрабатываются принципы обработки статистических данных, определяются и уточняются критерии деления коммунистов на социальные группы с целью как можно точнее отразить в партстатистике реальный социальный состав партии. Своей вершины эта работа достигает при проведении Всесоюзной партийной переписи 1927 г.

Однако уже в начале двадцатых годов на работу партийно-статистических органов стала оказывать внутрипартийная борьба, возникшая на X съезде РКП(б). Показатели социального состава в этой борьбе приобрели особое значение. Партийное руководство видело в увеличении доли рабочих-коммунистов главное средство для улучшения состояния партии, так как считалось, что рабочим чужд дух оппозиционности, пронизывающий непролетарскую часть РКП(б). Регулирование состава партии стало важным орудием во внутрипартийной борьбе.

Позднее вопрос о социальном составе ВКП(б) стал одним из пунктов внутрипартийной дискуссией, начатой лидерами «левой» оппозиции: Г.Е. Зиновьев и его ленинградские сторонники вслед за Л.Д. Троцким доказывали, что партия бюрократизируется и утрачивает пролетарский характер [2]. В этих условиях партийная статистика должна была наглядно и неопровержимо доказывать ошибочность утверждений оппозиции о непролетарском характере ВКП(б). И здесь очень рельефно проявилось истинное отношение партийной верхушки к партстатистике. Работа Статотдела рассматривалась как подчиненная, призванная свидетельствовать об успешном выполнении директивных решений об улучшении состава РКП(б) / ВКП(б), а не выявлять реальные тенденции развития.

На этой почве неоднократно возникали конфликты между организационным и статистическим отделами ЦК ВКП(б). Так, в марте 1925 г. заведующая статистическим отделом Е.Г. Смиттен обратилась к секретарю ЦК Л.М. Кагановичу с запиской, в которой указывала на неправильную интерпретацию организационным отделом сведений о составе Ленинского призыва и партии в целом и необходимость применения научных статистических методик при анализе социального состава ВКП(б).

По мнению Е.Г. Смиттен, «необходимо изменить взгляд многих ответственных на статотдел... как на чисто технический аппарат. ...Необходимо признать за статотделом значение такого органа, с помощью которого Секретариат ЦК изучает статистическим методом статику и динамику состава партии, ее работу и отдельные вопросы партстроительства» [3]. Однако это предложение не нашло понимания Л.М. Кагановича, который оставил следующую резолюцию: «Ни к чему всякая такая переписка. Только даровая порча бумаги» [4].

Подведение итогов партийной переписи 1927 г. еще яснее обнаружило расхождение ожиданий партийного руководства и результатов статистического анализа состава партии. Проведенная на высоком научно-методическом уровне, перепись скорректировала данные текущей статистики в сторону ухудшения и обнаружила значительный отток из ВКП(б) рабочих, вступивших в партию в ходе массовых кампаний. Летом 1927 г. по этому поводу возник новый конфликт между отделами ЦК ВКП(б).

Статистический отдел обвиняли в том, что он, изменив существующие инструкции, сознательно искажил социальный состав Коммунистической партии. В служебной записке орграспредотдела секретарю ЦК ВКП(б) С. Косиору прямо отмечалось: «В статотделе получены несравнимые с текущим учетом цифры, которые неправильно ориентируют в вопросах о составе партии и дают искаженную и резко ухудшенную картину. Орграспред считает, что нельзя исходить из данных переписи... при обсуждении вопроса о социальном составе партии...» [5]. Тем самым ставился под сомнение весь опыт работы, накопленный статистическим отделом.

Понимание статистическим отделом своих задач шло вразрез с тем, как понимали их в руководящих инстанциях. Аналитическая и методическая работа, основанная на богатом опыте русской дореволюционной статистики, оказалась попросту ненужной и даже вредной. Статотдел быстро лишается прежней самостоятельности в работе, а 5 января 1930 г. он был преобразован в подотдел в составе организационно-инструкторского отдела [6]. Научно-методическая работа по статистическому изучению состава партии прекратилась, а собираемые сведения стали служить лишь для оценки работы представивших их парторганизаций.

Литература

1. Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. – М.: Изд-во ЦК ВКП(б), 1928. – С. 599.
2. Саркис. Об организации большинства промышленного пролетариата в рядах РКП(б): к очередным задачам партийной работы / Саркис // Ленинградская правда. – 1925. – 3 декабря.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 148. Л. 105.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 148. Л. 102.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 284. Л. 146.
6. Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 2. – М.: Изд-во ЦК ВКП(б), 1930. – С. 169.

Особенности развития защитных функций советского государства

В советской политической системе постепенно сложилась разветвленная система учета мнений и настроений граждан. По пропагандистским основаниям режим был заинтересован в позиционировании себя как народного государства.

Кардинально изменялись место в социальной системе и персональный состав общественных организаций. Эти организации по-прежнему оставались посредником между государством и обществом, но в наибольшей степени становились уже не коммутатором между властью и обществом, а ретранслятором деятельности власти. Особенно процессы огосударствления общественных организаций усилились в 1930-е гг.

Именно с пониманием ненормальности сложившейся однопартийной системы, с органически присущим ей отсутствием каналов для нормальной критики связаны метания Н.С. Хрущёва, например, предложение о разделении партийных органов на сельские и промышленные (с подсознательным разделением и самой партии на две части). С этим же связано и отчетливое стремление к разгосударствлению ряда функций и исполняющих их органов.

Однако отход от идеалов оттепели, консервация режима в 1960-1970-е гг. привели к новой волне огосударствления общественных организаций. Как планы развития этих организаций, так и персональный состав их руководящих органов утверждались в ЦК КПСС.

Общественные организации окончательно потеряли свой добровольный характер: при этом, с одной стороны, членство в организациях становилось принудительным, но, с другой стороны, оно лимитировалось для действительно желающих туда попасть (так называемые социальные квоты при приеме, кандидатский стаж и т. п.).

Формальное статусное положение общественных организаций в социальной стратификации (ВЛКСМ долженствовал выражать интересы молодежи, Комитет советских женщин – интересы женщин, творческие союзы – интересы соответствующих подразделений творческой интеллигенции и т. д.) далеко не обязательно приводило к тому, что они действительно выражали интересы “своих” социальных групп.

Правозащитное движение – явление достаточно позднего этапа развития советского общества, о чем можно говорить только применительно к 1950-м – 1980-м гг., то есть к периоду так называемой десталинизации. Иначе говоря, само появление так называемого правозащитного движения парадоксальным образом было связано не только с ограничениями или нарушениями прав человека, но и с расширением спектра этих прав. Оно было невозможно в тот период, когда государство прибегало к массовому террору как средству удержания и повышения эффективности государственной власти.

Деятели правозащитного движения именовали также инакомыслящими, или диссидентами. При этом необходимо иметь в виду, что под правозащитным движением понималась не любая борьба с режимом, но именно борьба ненасильственными средствами, в отличие от вооруженных фаз борьбы в 1920-е – 1930-е или 1940-е – 1950-е гг. Выходу правозащитного движения на международный уровень в середине 1970-х гг. способствовало несколько разнородных явлений.

Прежде всего, достижение к концу 1960-х гг. ядерного паритета привело к политике «детанта», или разрядки международной напряженности, а это в свою очередь потребовало большего учета мнения и настроений партнеров по переговорам. СССР в 1975 г. подписал в полном объеме Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе, однако, как показала практика, не собирался выполнять положения так называемой «третьей корзины» – третьего раздела этого акта, который трактовал проблемы прав человека. В то же время в новой Конституции СССР 1977 г. проблемам прав и свобод граждан была посвящена отдельная большая глава.

С другой стороны, западные страны рассматривали проблематику прав человека как оружие идеологической борьбы против остававшегося еще в 1970-е гг. обаяния стран социализма. В частности, проблематика борьбы за права человека была навязана администрацией США в период президентства Дж. Картера (1977 – 1981 гг.) и, к сожалению, СССР в этой борьбе довольно скоро стал занимать оборонительные позиции, несмотря на то, что упреки в нарушении прав человека вполне могли бы быть отнесены и к странам-инициаторам дискуссии.

В 1970-е гг. государственные органы и оппозиционные (общественные) организации занимались практически несоприкасающимся спектром защиты прав человека. Если государство интересовало большей частью гарантии социально-экономических прав граждан (а эти гарантии были далеко не только декларативными), то оппозиционные группы брали на себя защиту так называемой «третьей корзины» Хельсинских соглашений – сферу гуманитарных прав граждан. Поскольку же эта проблематика интересовала большей частью интеллигенцию (а внутри нее – интеллигенцию творческую), то эти группы оставались организациями в какой-то степени маргинальными, их массовая база была слаба.

Среднестатистического советского гражданина очень мало волновали проблемы свободы эмиграции (и даже свободы выезда в зарубежные страны), а также и возможности публикации. В то же время гарантированность основных социально-экономических прав, чувство социальной защищенности порождали ощущения сопричастности режиму, близости с ним. Апелляция же правозащитного движения к западному общественному мнению с самого начала вызывала негативное восприятие в массовом сознании.

Этим положение коренным образом отличалось от стран Восточной Европы, где подобные движения обычно встречали массовую поддержку. Прежде всего, в СССР режим не был привнесен извне, он вырел из внутреннего революционного движения и в итоге своей эволюции к концу советского периода представлял собой плод приспособления западной теоретической доктрины к российскому менталитету. Кроме того, у нас, в отличие от европейских стран, существовали, (по крайней мере со времен Петра I) феномен «двух культур» и отрыв интеллигенции от основной массы населения. Именно поэтому у нас был невозможен феномен В. Гавела в Чехословакии или Л. Валенсы в Польше, которые из лидеров правозащитного, диссидентского движения выросли в президентов республик. Значительно более продуктивной в условиях нашей страны была деятельность тех представителей власти, которые стремились осуществить внутрисистемные преобразования, усовершенствовать систему, не выходя за ее рамки. Таким группам Е.М. Примаков дал меткое определение «диссиденты в системе».

Однако точно так же как защита прав личности не сводилась исключительно к диссидентству, так и диссидентское движение не сводилось к правозащитной направленности. Наоборот, в рамках этого движения существовали значительные массивы, отрицавшие идеологию прав человека, во всяком случае в либерально-западной трактовке этого понятия.

Диссидентское движение отчетливо подразделялось на группы национальные, религиозные и собственно идеологические; внутри этих групп в свою очередь могли возникать разломы по различным критериям: «красные» – «белые», «ультимативисты» – «постепеновцы» и т. д. При этом защита интересов своей группы вовсе не автоматически подразумевала поддержку прав иных групп, а зачастую, наоборот, их игнорировала, отрицала.

Подводя итоги, можно сказать, в ходе развития и трансформации советской системы сложилась «низовая», или «тоталитарная» демократия. В этой системе именно в силу тотального, всепроникающего характера государства оно в полной мере отвечало по своим обязательствам в социальной сфере (всеобщая занятость, возможности для отдыха и восстановления здоровья, приемлемый жизненный уровень). Набор прав личности по отношению к местным органам власти был достаточно широк. Однако набор политических прав – минимален, декларативен, формален. Поскольку же для большей части населения значение имели права по отношению к местности, а не к высокой политике, то власть получала легитимацию. Человек в советской системе вполне мог защищать свои права и в рамках системы.

Периодическая печать г. Магнитогорска в 1930-е гг.

Советская периодическая печать, сыгравшая значительную роль в годы индустриализации, была и остается предметом исследований отечественных историков (Н. Титаренко, В.Н. Алфёрова, С.С. Матвиенко, Л.С. Попова, Б.С. Илизарова и В.А. Козлова, В.Г. Сержантова, С.С. Загребина). Все исследователи делают акцент на функциях политической пропаганды и агитации, возложенных на советскую периодическую печать [2. С. 136].

К началу 1930-х гг. в СССР функционировала разветвленная сеть периодических изданий. Так, к концу первой пятилетки (1932 г.) в стране выходило 7 500 наименований газет, а к концу второй пятилетки (1936 г.) 9 250. Суммарный разовый тираж по Союзу за это время поднялся с 35,5 млн до 38 млн экземпляров [11. С. 15]. Важной частью развивающейся системы СМИ в конце 1920-х – 1930-е гг. были журналы. О количественном росте журнальной периодики можно судить по такому факту: если в 1926 г. выходило 1 631, то в 1929 – 2 188 наименований. К концу первой пятилетки на Урале издавалось 17 наименований журналов [19. С. 353]. В 1930-е гг. в системе центральной периодики обязательно имелась хотя бы одна ежедневная массовая общеполитическая рабочая газета и несколько отраслевых изданий [9. С. 3].

В годы первых пятилеток собственные издания появляются на строительстве крупных промышленных предприятий. В Магнитогорске первый номер газеты «Магнитогорский рабочий» – органа Магнитогорского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся – вышел 1 января 1930 г. Эту дату можно считать днем рождения городской периодической печати. Тем не менее, первой газетой «Магнитострой» являлась «Постройка гиганта». Она издавалась с июля 1929 г. первоначально как стенная газета, а затем печаталась на стеклографе в 30-ти экземплярах [17. С. 159]. В городе с 1931 г. издавались газеты для рабочих национальных меньшинств: «Магнит эшечесе» (на татарском и башкирском языках) и «Магнитогор Жумысшысы» (на казахском языке). Общий разовый тираж магнитогорских газет в августе 1931 г. составил 38 тыс. экземпляров [5. Л. 13.], увеличившись к 1933 г. почти до 50 тыс. экземпляров [8. Л. 1].

5 апреля 1935 г. бюро Магнитогорского окружкома ВКП(б) приняло Постановление «О сети газет и положении в издательстве “Магнитогорский рабочий”». Все многотиражки, обслуживающие строительные организации, были объединены в одну газету – «Магнитострой», первым редактором которой был назначен Ф. Безбабичев, а заводские – в газету «Магнитогорский металл» во главе с редактором Я. Резником. Статус окружной газеты присвоили «Магнитогорскому рабочему», после чего главная городская многотиражка стала центральной по отношению ко всем районным газетам [7. С. 291]. Типография «Магнитогорского рабочего» была переведена из г. Верхнеуральска в г. Магнитогорск в середине декабря 1929 г. Она находилась в неудовлетворительном состоянии, оборудование было старым, обладало небольшими техническими возможностями [5. Л. 1]. За довоенное десятилетие в «Магнитогорском рабочем» сменились девять ответственных редакторов. Штат типографии «Магнитогорского рабочего» был достаточно большим. По данным на 1 апреля 1936 г. здесь числились более ста сотрудников [10. Л. 19]. В 1935 г. была произведена реорганизация структуры газеты «Магнитогорский рабочий». Автономные типография и издательство многотиражки были объединены в «Контору издательства и типографии “Магнитогорский рабочий”». Заведующим объединенной конторой был назначен В.Г. Хоменко [12. Л. 34].

Нередко среди работников газеты отмечались случаи нарушений дисциплины и порчи оборудования и материалов. При этом весьма частыми были прогулы без уважительной причины, появление на работе в нетрезвом виде. Естественно, халатность и бесхозяйственность карались строгими административными мерами, вплоть до увольнения «вредителя» с работы с преданием суду [14. Л. 20]. Однако в связи с нехваткой квалифицированных рабочих, нарушители нередко вновь принимались на работу «в связи с отсутствием этой квалификации в г. Магнитогорске» [14. Л. 5.]. Наряду с наказаниями и взысканиями, руководство типографии практиковало вынесение благодарности и денежное поощрение новаторов и рационализаторов.

Производственные сложности и нехватка квалифицированных кадров приводили к частым стилистическим и грамматическим ошибкам в текстах. Многочисленные опечатки рассматривались партийными инстанциями как вылазки классовых врагов. Например, в «Магнитогорском рабочем» от 29 августа 1936 г. «было допущено грубейшее извращение речи т. К. Ворошилова». Вместо слов в тексте «интервенты не жалеют сил для удушения пролетарской революции» было напечатано слово «улучшения». В той же газете за 15 января 1936 г. была сделана другая ошибка: вместо слов «на оборону СССР» было напечатано «на борьбу СССР». Виновица ошибки отделалась строгим выговором [14. Л. 8]. Иногда допускались нелепые опечатки в подстрочниках к фотоснимкам. В газете «Магнитогорский металл» от 27 августа 1936 г. под портретом орденоносца-стахановца было написано, что он «один из инициаторов “стакановского” движения на заводе». Редакторы газет отделались суровыми партийными взысканиями [1. С. 170]. Порой подобные фотографические «ляпы» имели политическую краску и могли быть расценены (в духе времени) как контрреволюционная деятельность. Как вспоминает проработавший ряд лет на стройке американец Джон Скотт, в конце 1936 г. в одном из номеров «Магнитогорского рабочего» была помещена фотография московского Кремля, при рассмотрении которой через лупу можно было увидеть кремлевские звезды, имевшие очертания фашистской свастики. Естественно, тираж этого номера был немедленно конфискован из продажи, были арестованы редактор многотиражки, а также польские эмигранты, работавшие в фотоотделе издательства [18. С. 287]. Весьма частыми были случаи неуместного размещения фотоматериалов в городских многотиражках, а периодически иллюстрирование газеты вообще срывалось [10. Л. 21].

Однако ни технические трудности, ни кадровая неразбериха не мешали газете вести эффективную работу. На стройплощадке комбината коллективом «Магнитогорского рабочего» организовывались субботники, социалистические соревнования на первенство лучших бригад, на лучший барак, решались задачи улучшения материального и культурно-бытового положения трудящихся, велась борьба за развертывание технической пропаганды и интернационального воспитания, за усиление роли партии. «Магнитогорский рабочий» вел «огонь по оппортунизму», добивался перевода бригад и цехов на практику хозрасчета.

Газета вникала во все детали, во все мелочи строительства. На ее страницах публиковался детальный анализ положения на комбинате, велась ежедневная сводка о ходе работ под заголовком «Вчера на стройке». Два раза в месяц помещалась итоговая сводка по двум разделам: «Сделано» – «Остается сделать». Сотрудники «Магнитогорского рабочего» издавали на разных участках строительства так называемые «эпизодические штурмовки» – листовки, где подвергались критике отстающие и тормозящие работу бригады. В августе 1933 г. газета освещала подготовку цехов комбината к зимнему сезону, выявляла и демонстрировала имевшиеся недостатки.

В 1930-е гг. коллектив «Магнитогорского рабочего» активно включился в проведение кампаний по подписке на займы государству на нужды пятилетних планов и обороны страны. На страницах газеты детально освещались выборы в Верховный Совет СССР, а также подготовка к переписи населения 1937 г. Газетой практиковались выезды в прилегающие к городу колхозы и совхозы с целью контроля над подготовкой и проведением посевной и уборочной кампаний.

Таким образом, относительно четкая структура периодической печати в Магнитогорске сложилась только к 1935 г., когда огромное количество спорадически возникающих заводских многотиражек было упразднено, и вместо них создано два крупных периодических издания. При этом главной городской многотиражкой на протяжении 1930-х гг. оставался «Магнитогорский рабочий», обладавший мощной типографской базой и в основном полностью укомплектованным штатом корреспондентов, фоторепортеров и обслуживающего персонала. Коллективами магнитогорских газет в 1930-е гг. было осуществлено немало конкретных практически полезных мероприятий. Характер деятельности магнитогорской прессы вполне соответствовал общей цели информационно-пропагандистского сопровождения процесса советской индустриализации.

Литература

1. Загребин, С.С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929 – 1941 гг. / С.С. Загребин.– Челябинск : Типография «Транспорт», 1994.– 285 с.
2. Из истории социалистического строительства на Урале / под ред. В.Г. Сержантова, М.Д. Машина, А.И. Секерина.– Челябинск: Типография газетно-журнального изд-ва «Челябинский рабочий», 1969.– 246 с.
3. Книга приказов по издательству «Магнитогорский рабочий» // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 2. Д. 7.
4. Книга приказов по издательству «Магнитогорский рабочий» // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 2. Д. 8.
5. Книга приказов по издательству «Магнитогорский рабочий» // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 2. Д. 9.
6. Кондаков, А. Продолжение эпопеи / А. Кондаков // Журналисты рассказывают / под ред. С. Сутоцкого, Ю. Юрова.– М.: Советская Россия, 1974.– С. 82 – 91.
7. Магнитогорск: краткая энциклопедия / под. ред. Б. А. Никифорова.– Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002.– 557 с.
8. Материалы обследования издательства газеты «Магнитогорский рабочий» // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 9.
9. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.journalistikhist.ru>
10. Переписка по штатам и личные дела с 15 мая 1936 г. по 1 января 1937 г. // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 13.
11. Попов, Л.С. Печать на индустриальном фронте / Л.С. Попов.– Челябинск: ЮУКИ, 1975.– 111 с.
12. Промфинплан издательства «Магнитогорский рабочий» на 1933 г. // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 4.
13. Промфинплан по издательству «Магнитогорский рабочий» на 1934 г. // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 7.
14. Протоколы производственных совещаний и разные дела // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 1.
15. Протоколы производственных совещаний и разные дела с // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 3.
16. Сведения о текучести рабочей силы по издательству «Магнитогорский рабочий» с 15 мая 1935 г. по 1 января 1937 г. // МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 100. Оп. 1. Д. 10.
17. Сержантов, В.Г. Магнитострой: год 1929-й / В.Г. Сержантов // Краеведческие записки / под ред. И. И. Бычкова.– Челябинск: ЮУКИ, 1969.– С. 142 – 162.
18. Скотт, Джон. За Уралом: американский рабочий в русском городе стали / Джон Скотт; пер. с англ.; авт. вступ. ст. Л.И. Васькина.– М.: Изд-во МГУ; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.– 299 с.
19. Чуфаров, В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции / В.Г. Чуфаров.– Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1970.– 378 с.

О выборах должностных лиц в Калмыцкой степи в конце XIX - начале XX вв.

Традиции народов Российской Федерации должны влиять на форму местного самоуправления, порядок формирования представительного органа и глав муниципального образования, их компетенцию, способы проведения выборов. Примером может служить исторический процесс формирования местного самоуправления в Калмыкии.

Положением об управлении калмыцким народом 1847 г. (далее – Положение) впервые в Калмыцкой степи был введен сход как институт народного представительства. На низовом уровне это был аймачный сход, в улусах – улусный.

В соответствии с §§ 43 и 44 Положения для избрания должностных лиц собирались аймачные сходы в срок, установленный Управлением калмыцким народом (далее – УКН), в составе старшин, хотонных старост, а также выборных от хотонов калмыков – по одному от пяти кибиток или семейств. Предварительно избирали и самих выборных, затем созывали аймачные сходы, на которых выбирали аймачного старшину, хотонных старост и по два кандидата к ним, назначали, кто именно из числа каждых четырех выборных должен участвовать на улусном сходе.

За год до истечения трехлетнего срока службы выборных лиц на общественных должностях Главный попечитель рассылал заведующим улусами циркуляр о необходимости и процедуре проведения новых выборов [1]. Согласно §§ 40 и 41 Положения для избрания на эти должности новых лиц собирались улусные сходы в срок, установленный Главным попечителем. В улусном сходе участвовали аймачные старшины, хотонные старосты и выборные от хотонов калмыки-простолюдины – один выборный от 20-ти кибиток или семейств.

На улусном сходе избирали по два заседателя в улусные Зарго, демчеев, по три присяжных ценовщика в улусные управления, старшин от каждого улуса для управления калмыками, проживающими в Мочагах, бодокчеев на Калмыцком Базаре и по два кандидата на каждую из названных должностей. Кандидатов избирались на случай смерти должностного лица или его болезни, отпуска, прошения об отставке по уважительной причине, недобросовестном исполнении обязанностей. В этом случае аймачный старшина составлял прошение о том, чтобы первый кандидат приступил к своим обязанностям.

Циркуляр УКН предписывал улусным управлениям, заведующим по р. Маныч, Икицохуровским и Александровским улусами следующее.

1. Сбирать безотлагательно, не входя каждый раз с представлением о разрешении, в удобное для калмыков время, аймачные сходы и предложить калмыкам избрать по одному выборному от пяти кибиток для присутствия на аймачных сходах, о чем составить приговоры, которые необходимо было засвидетельствовать в улусных управлениях и у лиц, заведующих отдельными улусами. Если возникали трудности со сбором калмыков в одном месте в связи с отдаленностью кочевых хотонов, то от последних допускалось присутствие необходимого числа выборных с удостоверением хотонных старост, что эти лица назначены по единодушному согласию и выбору калмыков того хотона, из которого избраны представители на аймачный сход.

2. При составлении списков выборных удостоверять, что эти лица под судом и следствием не состояли, не состоят и на участие в аймачных сходах имеют качества, требуемые §47 Положения.

3. После избрания выборных на аймачных сходах, избрать аймачных старшин, хотонных старост и по два кандидата к ним, назначить, кто именно из каждых четырех участвующих на аймачном сходе выборных от хотонов должен быть в улусном сходе [2].

По окончании аймачных сходов с предварительного разрешения Главного попечителя в удобное для калмыков время созывался улусный сход, на котором избирались

а) два заседателя в улусное Зарго, а в Яндыко-Икицохуровское и Александро-Багацохуровское улусное Зарго по одному от каждого улуса;

б) на каждые 600 – 700 кибиток – по одному демчею с тем, чтобы для Мочагов по Багацохуровскому, Икицохуровскому, Эркетеновскому и Харахусовскому улусам демчеи были избраны отдельно из среды проживающих там калмыков;

в) три присяжных ценовщика в Улусное управление, а по Багацохуровскому, Икицохуровскому, Эркетеновскому и Харахусовскому улусам по два, так как еще по одному избирались мочажными обществами этих улусов;

г) по два кандидата на каждую из названных должностей.

Старшин для управления калмыками, кочующими в Мочагах, выбирали на сходах мочажных калмыков Багацохуровского, Икицохуровского, Эркетеновского и Харахусовского улусов. На улусных сходах могли также избираться члены ревизионной комиссии, надсмотрщики за появлением саранчи и сохранностью сенокосных мест в улусе.

Выборы должностных лиц на аймачных и улусных сходах осуществлялись посредством баллотировки, порядок которой перед открытием сходов разъяснялся собранным калмыкам улусными попечителями (впоследствии заведующими улусами) и их помощниками.

Процедура выборов завершалась приведением к присяге, текст которой содержал обращение ко всем божествам и его Императорскому Величеству, с клятвенным обещанием в верной службе «по совести своей исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против должности своей не поступать» [1].

По окончании улусных сходов в УКН представляли на рассмотрение и утверждение

а) именные списки вновь избранных выборных от хотонов калмыков для участия на аймачных и улусных сходах с приговорами обществ;

б) баллотировочные списки лиц, выбранных на аймачных сходах на общественные должности, которые обычно не предоставлялись в виду того, что обозначенных в приговоре лиц избирали единогласно;

в) приговор улусного схода об избрании им лиц с надлежащим засвидетельствованием и удостоверением о том, что избранные лица имеют качества, требуемые §47 Положения, на что обращали особое внимание (приговор составляли на русском и зая-падитском языках, подписывали приговор аймачные старшины, заверял подписью и печатью попечитель улуса с указанием того, сколько должно было присутствовать и сколько присутствовали старшин, хотонных старост и выборных – всего не менее двух третьих от числа лиц, обязанных присутствовать на сходе.

Опыт прошлых лет показывал, что на общественные должности избирали лиц, состоящих под судом по преступлениям, влекущим за собой лишение прав, и лиц, поведение которых при занятии должностей противоречило мероприятиям правительства, направленным на установление в Калмыцкой степи порядка и спокойствия. На выборах отслеживалось, чтобы одно лицо в одно и то же время не избиралось на несколько должностей. При представлении списков выборных на общественные должности и для присутствия на сходах указывалось, записаны ли они по семейным спискам 1876 г. и под какими номерами. Улусным управлениям и их заведующим вменялось в обязанность соблюдать, чтобы на аймачных и улусных сходах не участвовали вновь избранные лица, а только лица, которые утверждались УКН на текущее трехлетие.

При составлении приговоров и требуемых списков необходимо было соблюдать все те рекомендации и замечания, которые по выборам текущего трехлетия указывались в посланных УКН предписаниях, чтобы при их утверждении не возникало затруднений, требующих запросов и объяснений, и была возможность до наступления нового трехлетия утверждать в должностях лиц, вновь избранных. В заседатели улусного Зарго избирали зайсангов и только в крайних случаях, за неимением таковых, допускался выбор способных и достойных к занятию должности заседателя простолюдинов. Такое обстоятельство оговаривалось в приговорах, которые должны были представлять в УКН не позднее 1 сентября предвыборного года.

Таким образом, выбор должностных лиц в Калмыцкой степи осуществлялся на основе цензового представительства, улусные и аймачные сходы более всего напоминали институты сословно-представительных органов.

Литература

1. НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 501. Л. 1 – 4 (с об.).
2. Там же. Л. 1 (об.). Л. 2.
3. НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2134. Л. 155.

История появления шведских переселенцев в поселке Тирлянский в последней четверти XIX в.

Данная тема является ещё не вполне разработанной в силу недостаточности архивных данных, скудной историографии и физической утраты многих информантов, которые могли на уровне своей семьи осветить проблему интеграции шведских переселенцев в русскоязычную среду. Появление шведов в промышленном поселке связано с развитием металлургического дела и расширением и модернизацией уральских заводов, поэтому изучение жизни шведских переселенцев в поселке Тирлянский необходимо для понимания общей истории Уральского региона.

Белорецкий завод был построен в 1762 г., а примыкающий к нему в производственном плане Тирлянский завод – в 1803 г. В последней четверти XIX в. Белорецкий и Тирлянский металлургические заводы, входящие в Уфимскую губернию, оказались в запущенном состоянии. Для покупки и управления заводами в том же 1874 г. было учреждено «Акционерное общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых». Устав данного общества был утвержден 15 февраля 1874 г. Императором Александром II. Учредителями общества выступили Башкирский торговый дом Вогау в Москве и сын владельца заводов, отставной гвардии ротмистр В.С. Пашков. Первоначальный капитал общества был определен в 1 млн 100 тыс. руб. и состоял из двух типов акций:

1) *акций первого разряда* 8500 стоимостью 100 руб. каждая – капитал в сумме 850 тыс. руб., возникший в результате распределения этих акций, предназначался для погашения долга казне, который числился на Белорецких заводах (эти акции гасили путем ежегодных тиражей в течение 28-ти лет);

2) после погашения вся собственность акционерного общества переходила к очень узкому кругу лиц – владельцам *акций второго разряда*, этих акций было выпущено всего 1000 стоимостью 250 руб. каждая, причем они распределялись только между учредителями и лицами, приглашенными к участию.

Фактическим хозяином вновь созданного акционерного общества стал Московский торговый дом «Вогау и К°».

В 1874 г. приобретенные акционерным обществом «Вогау и К°» у бывших дворян Пашковых Белорецкий и Тирлянский металлургические заводы оказались в запущенном состоянии. Новые хозяева начали решать задачу переоснащения старых заводов. В поселках стали появляться иностранные специалисты: немцы и шведы. Общество командировало из Тирляна в Швецию заводууправляющего Тирлянским заводом инженера Акселя Эмильевича Гассельблата, шведа по национальности, за чертежами новых горнов доменных печей и людьми, которые смогут с ними работать и научить местных металлургов. В составе группы переселенцев оказался и пастор Вильгельм Сарве, решивший заняться миссионерской деятельностью в России. Свои впечатления об Урале он изложил в книге «Шведы на Урале», изданной в 1924 г. в Швеции. Вот что в частности отметил автор (перевод со шведского): «Желающих ехать в Россию было много. Шведы знали, что там можно хорошо заработать» [1]. В то время из Швеции достаточно много эмигрировали. С 1821 по 1930 гг. выехало 1,2 млн человек, и только 200 тыс. из них вернулись на родину. В основном скандинавы выезжали в страны с бурно развивающейся экономикой, самые крупные эмиграции осуществлялись в США [5].

Шведы прибыли в Россию в 1878 г. Шведы быстро освоились в местных условиях. Условия контракта, по которому кроме заработка шведам предоставляли бесплатные квартиры, дрова и фураж для коров, выполнялись немецкой компанией безукоризненно. Вскоре между местными жителями и шведскими специалистами возникли тесные отношения, несмотря на языковой барьер. Шведы осваивали основные русские слова, но до конца жизни всё же многие довольно плохо говорили по-русски. Шведы-переселенцы были лютеранами, как и обосновавшиеся здесь уже немцы.

Вскоре в иностранных специалистах уже не было нужды. Большинство шведов уезжает из Тирляна. С 1883 по 1889 гг. А.Э. Гассельблат занимает должность заводууправляющего Белорецкими заводами [4]. Его должность управляющего Тирлянским заводом занимает Удденберг, тоже швед по национальности. Однако часть шведов осталась в поселке по причине женитьбы на местных девушках. Еще с XVIII в. шведам было разрешено жениться на православных девушках. Специальным постановлением Святейшего Синода от 18 августа 1721 г. шведским пленникам, «которые обретаются в Сибирской губернии и имеют искусство в рудном деле и в торгах и в службу Его царскому Величеству присягою обязались вечно, позволить жениться на русских девках и вдовах, без перемены веры, но в веру свою не склонять» [7]. Дети от таких межконфессиональных браков становились православными.

Это были Карл Иоаннович и Глеб Иоанович Ларсон, Франц Оскарович Стремеречь, братья Адольф Августович, Сомоль Августович и Ярмол Августович Адамсон, с ними приехала и их сестра Инга Августовна Адамсон. В шведских семьях рождались по несколько детей. В частности в семье Карла Иоановича Ларсона и Ульяны Мурылёвой было 13 детей. В 1894 г. Карл Иоаннович получил российское гражданство. Семеро из них умерло во младенчестве. Детей считали русскими и православными.

Шведы овладели новыми для себя специальностями: стали прокатчиками стального листа, железнодорожниками, плотниками. По воспоминаниям Людмилы Владимировны Калининенко, потомка Карла Иоановича Ларсона, тот был очень хозяйственным: варил сыры, колбасы, учил внучку шведским словам. Семья жила очень дружно [2]. По воспоминаниям его же потомка Марии Васильевны Гусевой, даже в старости Карл Иоаннович так вполне и не овладел русским языком. Так, например, никак не мог выучить слово “лошадь”. По словам Марии Васильевны, Карл Иоаннович был небольшого роста, полноват, в старости появились залысины. В конце жизни он не мог ухаживать за собой в полной мере, и ему носила еду внучка Мария Васильевна [3]. Позже на узкоколейке работал машинистом Иван Ларсон, сын Карла Иоановича, и даже вывез в гражданскую войну груз для Красной Армии. Сам Карл Иоаннович тоже активно помогал большевикам.

Франц Оскарович Стреммерс был родом из Стокгольма, состоял переводчиком у управляющего заводом и, когда принял решение жениться на Акулине Прокопьевне, им построили дом. По воспоминаниям потомков, сильно тосковал по родине, писем из-за границы не получал, тайком справлял рождество 25 декабря. Зажигал свечи и смотрел на них, пока они не сгорали до конца, рассказывал детям и внукам о далекой Швеции. Умер еще до революции.

В 1882 г. Торговый дом «Воган и К °» приобрел с торгов соседний Кагинский горный округ с остановленными еще в 1861 г. Кагинским и Узянским чугуноплавильными заводами и 22 545 десятинами земли, который вошел в состав Белорецкого горного округа. Управляющим округом был назначен А.Э. Гассельблат. Сразу же началась коренная перестройка и этих заводов. В 1884 г. начал работать Кагинский завод, на котором была построена новая доменная печь и действовала гвоздарно-волоочильная фабрика, переведенная с Белорецкого завода. В 1888 г. на Белорецком заводе произведено переоснащение передельного производства с заменой старых горнов на 12 ланкаширских (шведских). В 1889 г. Введен в эксплуатацию Туканский рудник Зигаинско-Комаровского месторождения железной руды, перестроены обе доменные печи Белорецкого завода. В 1890 г. построена новая, третья доменная печь. На всех трех печах заменено устаревшее оборудование, механизированы вспомогательные процессы, увеличено энерговооружение. В результате среднесуточная выплавка чугуна на Белорецком заводе возросла соответственно до 1500, 1200 и 700 пудов.

С 1888 г. А.Э. Гассельблат проектировал и консультировал строительство нового чугуноплавильного Зигаинского завода в том же Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии купцов Н.Д. Шамова и К.С. Кальсина. Завод был построен и введен в эксплуатацию в июле 1890 г. На следующий год владельцы завода пригласили Алексея Ивановича на должность управителя завода [4].

В 1898 г. А.Э. Гассельблат был приглашен франко-русским «Урало-Волжским металлургическим обществом» в качестве руководителя строительства нового Лемезинского чугуноплавильного завода на р. Лемеза в Уфимском уезде Уфимской губернии в 75-ти верстах от губернского города Уфы. Строительство началось в мае 1898 г., а в середине марта 1900 г. была пущена первая доменная печь, выплавлявшая в год 500 тыс. пудов чугуна, началось строительство второй

доменной печи. Однако вскоре возникли разногласия между русскими и французскими учредителями. Прекратилось финансирование, не позволившее достроить 7,5 версты грунтовой дороги до ближайшей железнодорожной станции. От Общества отошла группа заводов во вновь созданное «Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов».

Во второй половине мая 1901 г. А.Э. Гассельблат принял предложение на должность управляющего недействующего медеплавильного Архангельского завода от владельцев «Уфимского горнопромышленного акционерного общества» московских фабрикантов-прядильщиков В.А. Горбунова, С.И. Щегляева и А.Ф. Моргунова. Задачей управляющего была преобразовать медеплавильный завод в чугуноплавильный. Управляющий, как обычно, активно приступил к своим обязанностям, но 6 июня 1901 г. во время разговора по телефону скоропостижно скончался от разрыва сердца. Впоследствии сын управляющего Виталий участвовал в строительстве и пуске Магнитогорского металлургического комбината в 1930-х гг.

Сам пастор Вильгельм Сарве также оставался на Урале. Он занимался миссионерской деятельностью среди башкир и даже мечтал перевести на башкирский язык Библию. Об этом вспоминает другой шведский миссионер Нильс-Фредерик Хейер. В частности по инициативе В. Сарве была построена лютеранская церковь в деревне Ташбулатово ныне Абзелиловского района Республики Башкортостан. Затем В. Сарве уехал в Петроград, где существовала шведско-финская религиозная община, насчитывающая в первой четверти XX в. 5 000 членов, имевшая в Санкт-Петербурге две церкви святой Екатерины [4]. Оттуда выехал вскоре снова на Урал, в Миас. Сюда выехали на летние каникулы и дети из Петрограда в связи с голодом в столице в 1918 г., но с Урала они уже выехать не могли из-за борьбы красных и армии Колчака. На тот момент В. Сарве был уже связан с шведским Красным крестом, привёз письма от родителей. Детей тогда помог вывезти американский Красный крест через Владивосток морем обратно в Петроград. Сарве с ними не поехал. По крайней мере, его имени нет в списках персонала и сопровождающих. Затем имя пастора Сарве упоминают источники об украинском голодоморе 1922 г. [6]. Впоследствии, в 1924 г., пастор возвратился на родину, как и многие петербургские шведы в того периода.

Таким образом, шведы в своей массе не имели цели остаться на постоянное проживание на Урале и видели в этом только возможность хорошо заработать, но в силу субъективных обстоятельств некоторые из них осели в Тирлянском поселке. До конца неясно, что стало определяющим фактором такого решения: толерантность местного населения к иностранцам, в том числе и к их вероисповеданию (шведские переселенцы до конца жизни оставались протестантами); лучшие условия для жизни и работы, чем в Швеции; схожесть ландшафта и климата с природой родной страны. Однако то, что шведы дали всем детям при рождении русские имена, указывает на нежелание уезжать из этих мест. Потомки шведов-переселенцев считают себя русскими. Всё это нуждается в более тщательном и глубоком изучении.

Литература

1. Сарве, В. Шведы на Урале / В. Сарве.– Стокгольм, 1925.
2. Воспоминания Людмилы Владимировны Калиниченко, пос. Тирлянский, октябрь 2006 г. Записала Е.Ф. Прусакова.– (На правах рукописи).
3. Воспоминания Марии Васильевны Гусевой, пос. Тирлянский, ноябрь 2010 г. Записала К.А. Новичкова.– (На правах рукописи).
4. Гассельблат, Г.В. Аксель Эмиль Гассельблат – организатор модернизации Южно-Уральских заводов в родственном окружении (фрагмент 500-летней истории рода Гассельблат) / Г.В. Гассельблат // «Сплетались времена, сплетались страны».– 2003.– № 25.
5. Мелин, Я. История Швеции: пер. со швед. / Я. Мелин.– М.: Весь мир, 2002.– 399 с.– (Национальная история).– С. 263.
6. Порталі Херсонського обласного об'єднання Всеукраїнського товариства «Просвіта» [Електронний ресурс]: автор Сергей Гейко.– Режим доступа: http://prosvilib.at.ua/publ/istorija/narisi_z_istoriji_berislavshhini/golodomor_1932_1933_rokiv_na_berislavshhini/35-1-0-40
7. Славянское лютеранство [Электронный ресурс].– М., 2011.– Режим доступа: <http://www.skatarina.ru/library/lutvros/lutvros/lr34.htm>

Исторические факты развития триады «наука – образование – производство» как основы инновационных процессов²

Инновационные процессы во всех областях экономики – это форма и содержание взаимосвязанного функционирования элементов триады «наука – образование – производство» на всех исторических этапах общественного развития. При всей самоценности и социальной значимости развития фундаментальной и прикладной науки, высшего образования, при интеграции процессов развития науки и образования в конечном итоге их социально-экономический эффект полностью реализуется в практической деятельности. Это существенное значение прямых и обратных взаимообусловленностей развития элементов указанной триады в разной степени проявляется на всех этапах исторического развития общества и общественного производства.

На современном этапе становления «экономики знаний», предопределенном высоким уровнем развития науки, образования и наукоемкого производства, роль и значение адекватного развития их взаимосвязей приобретает преобладающее значение. Здесь проявляется известная закономерность системологии, когда при достаточной развитости элементов и подсистем сложной системы преобладающую роль в ее интегральном развитии начинает играть развитие их взаимосвязей. На этих фазах исторического развития сложных социально-экономических систем кибернетический и системологический характер развития элементов, подсистем и их взаимосвязей переходит на качественно новый более высокий уровень синергетического функционирования, управления и развития.

В практическом плане отмеченные закономерности проявляются в активизации инновационной деятельности. По-видимому, именно активная и целенаправленная инноватизация экономики и реализация разномасштабных инновационных проектов есть одна из высших на современном этапе форм взаимосвязанного функционирования триады «наука – образование – производство». Наоборот, именно функционирование триады является источником, основой и содержанием инновационных процессов.

Триада «наука – образование – производство» влияет не только на экономическое развитие общества, но и буквально на все сферы жизнедеятельности. Действительно, завершившийся двадцатый век ознаменован впечатляющими достижениями в познании реального мира благодаря успехам естественных наук и потрясающими достижениями в сотворении “второй природы” – искусственно (и искусно) создаваемого технического окружения человека, в чем огромная роль принадлежит прикладным наукам и производству. Масштабы техногенной составляющей реального мира уже и сегодня таковы, что она начинает существенно влиять на его натуральную основу. Это проявляется в частности в возникновении острых экологических проблем, что привело в конце XX в. к необходимости специфического прикладного научного знания – совокупности экологических научных направлений, являющихся основой и источником новых ранее не существовавших требований ко всем отраслям производства.

Всё это приводит к важности развития комплексного научного направления, отражающего единство гуманитарных, естественных и технических факторов современной среды обитания, для полноты объекта и предмета, исследования которого необходимы исследования основных тенденций и закономерностей качественных изменений и исторических переходов от одних к другим состояниям системы взаимосвязанных сфер науки, высшего образования и промышленных комплексов.

²Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Специфика истории региональной триады “наука – образование – производство” в создании кластерной инновационной инфраструктуры современного Татарстана», проект № 10-01-29115а/В/2011.

Отмеченная двойственность натуральной и искусственной природы с неизбежностью влияет не только на техногенное материальное окружение людей, но и на био-физиологические стороны их жизни.

Аналогичные тенденции можно обнаружить и в гуманитарных сферах общественной жизни. Налицо вторжение искусственной техногенной среды существования, как в материальную, так и в сугубо гуманитарные, творческие, общественные сферы жизни людей, в их быт и культурный досуг. Современное общество реально пребывает непосредственно в двойной – натуральной и искусственной – среде существования при интенсивном и быстром по историческим измерениям времени нарастании роли и всепроникающего влияния искусственной компоненты окружающей среды как на исходную, более медленно изменяющуюся натуральную основу, так и на общество в целом, в том числе и на каждую отдельную личность.

Применительно к конкретной теме настоящего исследования здесь уместно подчеркнуть, что если в исторической ретроспективе объективно возникало и развивалось взаимодействие элементов триады в относительно узких областях конкретных предметных направлений деятельности («монотриады»), то на новейших этапах возникает объективная необходимость глубокой комплексной интеграции, захватывающей одновременно многие предметные области («мультириады»).

Достигнутый уровень и темпы развития технико-технологического общества, видимо, следует рассматривать всего лишь как современный этап новейшей истории на историческом пути развития цивилизации в этом направлении, которому не видно конца («нет предела совершенству»...).

И всё это многообразие факторов и фактов порождено беспрецедентным в истории человечества взаимообусловленным развитием наукоемкого производства, обеспечиваемого высшим образованием и развитием фундаментальных и прикладных наук.

Подчеркивая, что первоисточник всего вышеописанного – эффективные и плодотворные результаты функционирования триады «наука – образование – производство», можно утверждать, что исторический анализ становления и развития триады с системным анализом определяющих это развитие основных взаимосвязей весьма актуален.

Данная исследовательская работа должна внести свой вклад на стыке традиционных направлений гуманитарных, естественных и технических наук в расширение спектра исследований по истории становления и развития интеллектуально-индустриального потенциала страны на примере Республики Татарстан, способствуя исторически обоснованным аналитическим и прогностическим оценкам социально-экономических процессов, в том числе на современном этапе создания кластерной инновационной инфраструктуры современного Татарстана.

**Газетная производственная реклама
как исторический источник
(на примере рекламных объявлений
газеты «Магнитогорский рабочий» 1937 г.)**

Магнитогорск середины 1930-х гг. представлял собой уже вполне сформировавшийся город со своими производственными и жилыми районами, коммуникациями, зонами культуры и отдыха. В то же время не следует преувеличивать данный факт, так как со времени закладки города не прошло даже десятилетия, а следовательно, указанные объекты были лишь зачатками полноценно функционирующего города. Неотъемлемой частью повседневной жизни городского обывателя, а также несомненным подспорьем для сферы производства и услуг в Магнитогорске благодаря эффекту массового воздействия была газетная реклама. Именно она играла роль городского оповещения, учитывая, что телефонная сеть и радиоточки были не везде и работали со значительными перебоями.

В целом всю рекламу, помещаемую в газете «Магнитогорский рабочий», можно разделить на несколько тематических блоков.

1. *Производственная сфера*, то есть объявления предприятий и артелей города о найме или реализации своей продукции

2. *Культурная сфера*, или *сфера досуга*: здесь помещали различного рода афиши и анонсы предстоящих мероприятий, спектаклей, гастролей и т. д.

3. *Образование*, где располагали объявления о всевозможных курсах, занятиях кружков, а также публиковали сведения об условиях приема и специальностях, предлагаемых вузами и другими учебными заведениями города.

4. *Городская реклама*, в рамках которой помещали распоряжения горсовета и ведомств

5. *Социальная реклама*, которая касалась обеспечения или снабжения отдельных категорий населения города

6. *Частная реклама*, которая предполагала объявления об утере документов, штампов и т. д. или, наоборот, о всевозможных находках, индивидуальных продажах и обменах и т. д.

7. *Собственно реклама издательства газеты «Магнитогорский рабочий»*, в которой сообщалось об условиях подписки на новые номера газеты, оповещалось о найме необходимых сотрудников, указывались расценки на рекламу в газете.

Кроме указанных разделов, несомненно, можно выделить еще несколько, которые несли в себе особенности и отпечатки какой-либо обособленной грани жизнедеятельности Магнитогорска. При этом следует оговориться, что подобное деление на тематические рубрики весьма условно, так как некоторые из них граничат очень тесно или и вовсе переплетаются. Учитывая рекламное многообразие и структурную сложность каждого из предложенных блоков, было бы уместно остановиться на более детальном рассмотрении одного из них, например, на *производственной рекламе*.

Реклама в производственной сфере позволяет судить о том, какие предприятия работали в городе. По сфере деятельности их также можно разделить на *местные производственные, торговые и промкооперацию*. Среди *местных производственных предприятий* в 1937 г. особо частыми подателями объявлений были Магнитогорский хлебозавод (хлебокомбинат), Магнитогорский мясокомбинат, Магнитогорский гормолзавод, мастерские Горпромкомбината.

Через рекламу можно было узнать ассортимент выпускаемых изделий, место расположения предприятия или его торговых точек. Особого внимания заслуживает ассортимент предприятий пищевой промышленности. После перечисления разнообразного ассортимента, что немаловажно, следовала вполне заслуженная приписка: «Изготавливаются под наблюдением нового мастера высокосортных булочных изделий». Для пущей убедительности и привлекательности, качества и разнообразия продукции в «рекламных роликах» помещали соответствующие

рисунки. Не менее веско, чем реклама хлебозавода, выглядели объявления Магнитогорского мясокомбината и его магазинов, где реализовывалась продукция. Магазин № 1 на первом участке предлагал сосиски и пельмени, сопроводив информацию броским слоганом «Горячее блюдо в 5 минут» и не менее красочной иллюстрацией: на вилке дымится увесистая, аппетитная сосиска. Для магнитогорцев в условиях тотальной занятости и не слишком разнообразного снабжения подобная реклама была, безусловно, привлекательной.

Область торговли представляли промунивермаг, в частности его отдел культтоваров, овощная база Магнитторга, хозрасчетный магазин № 7 Магнитторга, магазины промтоварной торговли Магнитторга, магазины Главспирта, магазин «Сортсеговош», магазины стройматериалов, магазины «Тэже» Магнитогорска, магазин охотников-спортсменов и многие другие организации. Торговые предприятия города обычно не скупались на рекламные объявления, которые были не только неотъемлемой составляющей рекламной колонки, но и занимали в ней солидное место. Причем, кроме перечисления уже имеющегося товара, сообщалось, что «имеются в продаже: яблоки моченые, помидоры соленые, свекла квашеная, сухофрукты разные, слива в сиропе...». В рекламном проспекте нередко присутствовал и анонс на будущее поступление. Указанный ассортимент товаров говорит не только о снабжении города продуктами питания, но и показывает гастрономические особенности той эпохи. Очень часто такая реклама кроме презентации своих товаров предоставляла и вполне соответствующую разнообразному ассортименту «картинку». Нередко магнитогорцы на газетных страницах видели одноцилиндровые мотоциклы марки Ленинградского завода «Красный Октябрь», детскую мебель и детские игрушки, лыжи и коньки, велосипеды и т. д. В качестве ассортимента промтоварных магазинов рекламировали патефонные пластинки, чайные и столовые сервизы, радиолампы, конденсаторы, патефоны, гармонии, балалайки, кремы «Ланолиновый», «Красота», «лучший крем специального назначения «Спорт»» и многое другое.

Кроме ассортимента, реклама торговых предприятий позволяет оценить некоторые вопросы ценообразования. В частности можно узнать стоимость отдельных товаров: «гарнитуры чайные – 54 предмета от 70 руб. до 83 руб., сервизы столовые до 83 руб.». К тому же, некоторые торговые организации давали анонсы относительно изменения режима торговли: «Магазины Главспирта с 15 января торгуют с 7 часов утра до 12 часов ночи». Согласно рекламе в области торговли, можно констатировать тот факт, что в Магнитогорске не вся торговля была стационарной, так как Магнитогорский хлебокомбинат предлагал требовать свою продукцию «во всех продуктовых магазинах, в ларьках и у лотошников». Газетная реклама ясно давала понять, какие трудности имеются у городских предприятий. Прежде всего, они были связаны с поиском трудовых ресурсов и квалифицированных кадров.

Играв значимую роль в жизнедеятельности магнитогорцев, *промысловая кооперация* города часто оставалась вне поля зрения городских и заводских властей, находясь тем самым на самофинансировании и самообеспечении. В 1937 г. в городе, согласно объявлениям, работало более десяти промысловых предприятий. Среди них гужетранспортная артель «Красный возчик», артели «Уралшвей», «Коопремонт», имени С.М. Кирова и др. Артели в рекламных объявлениях предлагали всевозможные услуги для населения и предприятий. Кроме круга услуг, через рекламные колонки можно узнать количество и место расположения мастерских промысловых артелей.

Сложности работы предприятий и учреждений Магнитогорска, а особенно проблемы недостаточного количества квалифицированных кадров, рабочих и служащих нужных специальностей и текучести кадров раскрывают рекламные объявления в рубрикации «Требуются». Следует сразу оговориться, что эти объявления относятся как к производственной рекламе, так и к другим видам объявлений, помещаемым в газете «Магнитогорский рабочий». К тому же по периодичности появления одного и того же объявления и по периоду его печатания в газете можно проследить, как быстро предприятия находили требуемого работника.

В целом, говоря о газетной производственной рекламе, очень сложно переоценить ее роль. Как уже было сказано выше, она предоставляет исследователю очень масштабную и разноплановую информацию о различных гранях жизнедеятельности производственных и торговых предприятий и Магнитогорска в целом. Часто только благодаря рекламе можно узнать, что в городе функционировало то или иное предприятие или учреждение, что у них были именно такие трудности в определенный момент времени, составить представление об урбанистике и особенностях градостроительства.